

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ – ЦУНАМИ

Анна Ольховская

Право
бурной
ночи

Папарацци идет по следу

Анна Ольховская
Право бурной ночи

«Соболева Анна Николаевна»

2009

Ольховская А.

Право бурной ночи / А. Ольховская — «Соболева Анна Николаевна», 2009 — (Папарацци идет по следу)

ISBN 978-5-699-36362-9

Для журналистки Анны Лощининой встреча с одноклассницей Жанной обернулась настоящим абсурдом. Мало того что, отрубившись в гостях у Жанны, Анна очнулась в психиатрической больнице. Там она наконец узнала о себе все: никакая она не Лощинина – поэтесса и журналистка, любимая муза и автор песен модного исполнителя Алексея Майорова, а олигофренка Пульхерия – санитарка из психушки. В спецовке Пульхерии и со шваброй в руках Анна проворачивает такое, что настоящим психам и во сне не снилось...

ISBN 978-5-699-36362-9

© Ольховская А., 2009

© Соболева Анна Николаевна, 2009

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анна Ольховская

Право бурной ночи

Часть 1

Глава 1

Его карие глаза смотрели на меня нежно и чуть задумчиво. Эротично изогнувшись, он поднял руку и треснул меня молотком по голове. Ну, если быть точной, то не по голове, а по мерзкой железяке, приставленной к моему зубу. Но зуб-то где? В голове. В общем, когда искры перестали сыпаться из глаз, а из четырех денто-садистов опять получился один, оказалось, что мой зуб покинул меня навсегда. Оставив тело покойного для погребения его палачу, я ушла из этого узилища, размышляя о превратностях судьбы.

Ну объясните мне, почему обычные житейские проблемки показывают мне обычно ту часть, которой гордятся только макаки и Дженифер Лопес? Причем это касается не только посещений стоматолога, каждое из которых превращается для меня в мечту маркиза де Сада. Например, если я, сжав в кулак всю волю, максимально сконцентрировавшись, открыв все чакры, каналы и чего там у меня еще есть, Высшему Разуму и Космосу, соберусь и пойду наконец в банк оплатить все счета – именно в этот день там прорвет трубы, вырубится свет, высадятся инопланетяне – в общем, он будет закрыт. А тащиться в другое отделение – никакой чакры не хватит. Или вот еще...

Бумс! Оказывается, я так погрузилась в жаление себя, любимой, что чуть было не сбила с ног шикарную даму. Судя по ее состоянию, моя скорость была немалой. Несколько сплюснутая с одной стороны дама взирала на меня с такой яростью, что я с опаской покосилась на ее выкрашенные ярко-алым лаком ногти невероятной длины, которые, казалось, начали вытягиваться еще больше. Рассмотрев внимательнее то, что перед ней стояло, дама неожиданно кинулась это обнимать. От внезапного натиска я чуть не упала, а сплюснуто-шикарная дама завопила вдруг знакомым голосом:

– Нюрка, Нюрок, это же сколько мы не виделись! С ума сойти!

Вообще-то родители нарекли меня королевским именем Анна, не подозревая, видимо, что нет на свете имени, имеющего больше производных: кроме милого Аннушка есть еще и Анюта, Нюра, Нюся, Нюша и т. д. – и все это я. Но я отвлеклась. Шикарной дамой оказалась моя одноклассница Жанна Евсеева.

– Нет, Жанка, если я назову – сколько, невольно вспомню свой возраст, а об этом как-то не хочется, – все еще приходя в себя, ответила я, – зато ты, похоже, средство Макропулоса принимаешь – больше 20 тебе и не дашь, да и вообще, не врезалась бы в тебя – в жизни бы не узнала – прямо принцесса Диана!

– А ты даже прическу не сменила за эти годы, – Жанка взирала на меня с плохо скрываемым сочувствием, – и волосы не красила, похоже, ни разу. Ну, Нюсинда, ты даешь! Ты хоть знаешь, что такое косметика и для чего она нужна? Кстати, а что это за средство Макропулоса – таблетки, маска, крем? Никогда не слышала. Это что-то новенькое? А знаешь, поехали ко мне. Ты ведь не очень занята? Нет? Замечательно, поехали, я на машине.

Узнаю Жанку. Уболтолог номер один нашего класса, которая всю жизнь читала только журналы и газеты типа «Cosmopolitan».

Болтая без остановки, она уже тащила меня к сияющей лаком красавице «Ауди» янтарного цвета. Мяукнула сигнализация, и машина, кокетливо подмигнув фарами, разрешила мне

присесть. Жанка, не переставая трещать, врубила на всю катушку музыку, и мы лихо понеслись по главному проспекту нашего города.

М-да... ТАК я еще по городу не перемещалась, Жанка дуэтом с Николаем Носковым вопят что-то параноидальное, машина несется на скорости не менее 120 км/ч по городу, от нее, как испуганные тараканы, едва уворачиваясь и визжа тормозами, шарахаются другие машины и почему-то стыдливо отворачиваются гаишники.

Когда мы остановились у ворот, ведущих в самый элитный коттеджный поселок нашего города, я, тщетно пытаюсь пригладить вставшие дыбом волосы, проблеяла:

– Жанка, ты чья жена?

Она запнулась на середине слова, странно глянула на меня и расхохоталась, демонстрируя при этом несколько тысяч долларов, отданных стоматологу:

– А ты быстро соображаешь, Ньюсенция! Не зря, не зря тебе золотую медаль в школе выдали. Но имя моего мужа тебе, думаю, ничего не скажет, поэтому не забивай себе голову ерундой.

Жанка подъехала к обалденному дому, больше похожему на виллу где-нибудь в пригороде Вены.

– Мужа сейчас нет, он уехал по делам на неделю. Так что мы с тобой погудим. У тебя как со временем?

– Да не очень, пару часиков есть, я ведь все-таки от зубного иду, видишь, еще деформирована, а потом мне еще надо заскочить в одно местечко, – я все еще не могла прийти в себя от увиденного.

Слышала я про этот поселочек разные байки, но действительность превзошла все ожидания: газончики, цветники, теннисные корты, бассейны и невероятная чистота. И это у нас в городе? Похоже, выражение моего лица соответствовало отнюдь не нобелевскому лауреату, потому что Жанка расхохоталась, рукой прихлопнула мою челюсть на место и потащила в дом.

– Ой, Нюрик, как я рада тебя видеть, сто лет уже ни с кем из одноклассников не общалась. Давай рассказывай, где ты, что ты, семья есть? Ну давай, давай, приходи в себя, сейчас мы выпьем чего-нибудь вкусного.

Мы уже сидели в помещении, которому я затруднялась дать определение, почему-то обычное «гостиная» здесь было ну никак. Скорее уже «малахитовая гостиная» или даже «зал для приемов». Все вокруг вопило, нет, высокомерно намекало, что это ДРУГАЯ жизнь, параллельный мир. Жанка чем-то бренькнула, и непонятно откуда материализовалась девушка в белом фартучке и белой наколке в волосах. Только не подумайте, что это была вся ее одежда – еще на ней было темно-синее платье и такого же цвета удобные туфли. Супер! Горничная из сериала.

– Ксюша, у меня гостья, накрой на двоих в столовой, а пока подай нам «Кэролайнз». – Жанка повернулась ко мне: – Ну, давай, рассказывай.

– Да особо и нечего рассказывать. Я журналистка на вольных хлебах, пишу для разных изданий статьи, очерки, интервью, в общем, проза жизни в прямом и переносном смысле. Живу одна, развелась, детей нет, однокомнатная избушка, машины нет. Знаешь, проза так надоела, что я начала писать стихи, а из них получились тексты песен, вот сейчас веду переговоры с Алексеем Майоровым.

Все-таки ничто человеческое мне не чуждо. Произнося спокойным тоном эти слова, в душе я гаденько хихикала и потирала ладошки, предвкушая реванш. И свершилось! Жанка поперхнулась ликером и закашлялась. Теперь уже она взирала на мою скромную особу с восхищением. А скромная особа невозмутимо смаковала ирландский крем, довольная произведенным эффектом.

Алексей Майоров! Суперзвезда отечественного шоу-бизнеса. Когда мы учились в школе, как раз и начался массовый психоз по имени Алексей Майоров. Это сегодня толпы безумных

фанаток являются ординарным и привычным атрибутом любой звезды. А тогда все было иначе, да и сама эстрада была другой – советской и чопорной. И вдруг в нее врывается и в ней взрывается вихрь, ураган, карнавал – Майоров. У многих девчонок, да и женщин постарше, тогда, выражаясь сегодняшним языком, башню снесло. А в нашем классе без башни оказалась Жанка. Это было совершеннейшее безумие. Она не ограничивалась плакатами и дисками кумира, она вступила в какой-то клуб фанаток и таскалась за Алексеем по всей стране, пропуская уроки. В те немногие дни, когда она была в городе и ходила в школу, она высушила всем мозги, бесконечно болтая об Алексее и хвастаясь очередным трофеем, добытым в поездке. Надо отдать ей должное, несмотря на бесконечные пропуски, училась она неплохо. И являлась первой красоткой не только в классе, но и в школе. Пока мы переживали весь букет подростковых проблем, сияли прыщами, брэнчали костями и не знали, куда девать свои длинные руки, Жанка вызывала обильное слюноотделение не только у одноклассников, но и у мужиков гораздо старше. Невысокая, стройная, но не тощая, невозможно пропорциональная и невероятно сексапильная, с густой гривой волос медового цвета и зелеными глазами, Жанка прекрасно осознавала убойную силу своей внешности, и ее замкнуло на мысли, что осчастливить она может только Алексея Майорова. Ведь он не может не понять, увидев ее, что только она, Жанна Евсева, может сделать его счастливым, и без нее, без Жанны Евсейвой, жизнь потеряет для него всякий смысл. И вот этим бредом Жанка кормила нас весь десятый класс, а на выпускном, упившись шампанским, клялась, что всех нас пригласит скоро на свадьбу со своим кумиром.

Конечно, за эти годы она повзрослела, удачно вышла замуж не за Майорова и, думаю, утомилась, но эффект от моих слов тем не менее был потрясающим. Настала очередь Жанке проблеять:

– Как с Майоровым? Какие переговоры, о чем?

– Я же тебе сказала – я пишу песни, вернее, тексты песен, причем, по отзывам людей знающих, неплохие. Да ты слышала уже, только я пишу их под псевдонимом. – Жанна слушала, не шелохнувшись. – Ну вот, Алексею, вероятно, они тоже приглянулись, вот мы сейчас и перезваниваемся, возможно, будем работать над новым альбомом.

В этот момент вошла Ксюша и пригласила нас в столовую.

– Так вы что, еще не встречались, только перезваниваетесь? – спросила Жанна, садясь за стол.

– Нет, не встречались, вот договоримся по времени, когда у него будет перерыв между гастролями, встретимся и обсудим все предметно. – Я с некоторой опаской осматривала стол. – Слушай, а зачем столько еды, я что, похожа на бегемота?

– Ну вот еще, если только на очень аппетитного бегемотика, – фыркнула Жанка.

– Спасибо тебе, родная, на добром слове, – взгрустнула я, – умеешь ты утешить. Но не надейся, я все равно буду есть твои вкусности, потому что худеть мне бесполезно.

Была в Жанкиных словах сермяжная правда, я действительно смахивала не на стройную газель, а, скорее, на антилопу гну. О былой школьной худобе остались только воспоминания, сейчас я являла собой знойную мечту продавца персиков (поэтому за персиками предпочитала не ходить). Ну и ладно.

Все было таким вкусным, что мы с Жанкой на время прервали болтовню и увлеченно гребли себя холестерином, алкоголем, жирами, углеводами и упоительно-хрустящими канцерогенами. Что поделаешь, если все вкусное – вредно, а все полезное – невкусно.

Воистину, счастливые часов не наблюдают, поскольку когда мы перешли к десерту, за окном уже стемнело. Призрак горничной разжег камин. Мы перебрались поближе к огню и смаковали остатки ликера. И тут Жанку осенило:

– Слушай, у меня гениальная идея! Напиши обо мне статью!

Теперь уже закашлялась я. Черт меня за язык тянул, реванша, видите ли захотелось. Все-таки самая распространенная болезнь в мире – жаба обыкновенная. В той или иной степени душит каждого. Вот и у меня на плече пристроилась такая маленькая, пупырчатая, и квакнула в ухо. Теперь расхлебывай. Ведь Жанка не отвяжется. Судя по ее загоревшимся глазам, идея прочитать о себе в газете, а то и в журнале, увлекла ее сразу и бесповоротно. Она вскочила и начала метаться по комнате:

– Так, нужен фотограф, снимки меня дома, в магазине, в машине...

– Жанна, ну о чем писать, что интересного в твоей жизни для читателей? – неосторожно булькнула я.

Жанка резко затормозила и повернулась ко мне. Мама, мамочка! Мне захотелось ужаться до размера божьей коровки и уползти за плинтус. И в самом деле, картинка была сюрреалистическая. Длинные, ухоженные ее волосы, судя по всему, были щедро унавожены средством для укладки волос, а Жанка еще в школе, волнуясь, вцеплялась себе в прическу. А сейчас она ОЧЕНЬ волновалась. В общем, на меня яростно взирала мадам, прическа которой так живо напоминала любимую героиню сказок дедушки Роу в исполнении Георгия Милляра, что мне захотелось топнуть ногой и сказать: «Избушка, изба, стань ко мне задом, к лесу передом». Я уже заозиралась в поисках помела. Тут Жанка заметила свое отражение в зеркале и расхохоталась. Я с облегчением хихикнула.

– Ну, Ньюша, ты даешь! Это же надо такое сказануть. Я – и неинтересно. Да обо мне роман писать можно!

– Если только любовный, – расхрабрилась я.

– И не только. Я, между прочим, настоящая бизнес-вумен, к твоему сведению. Бутик «Если вы леди» знаешь? Я хозяйка. Думаю, всем будет интересно узнать о жизни деловой женщины, о трудностях и радостях, об интригах и подлостях... – «и Остапа понесло».

Пока раскрасневшаяся Жанна пела Песнь Песней о нелегкой судьбе женщины в бизнесе, шестеренки в моей голове бешено вертелись. «Если вы леди» – бутик, в названии которого в народе давно слегка видоизменили последнее слово. И не без оснований. Думаю, в каждом крупном городе, не говоря уже о Москве и Питере, найдутся такие бутики, ассортимент которых вызывает фривольные ассоциации. В этих лавчонках все супер. Если юбки – то суперкороткие, блузки – суперпрозрачные, каблуки – супердлинные, платформа – супервысокая. А от блеска и цветовой гаммы аксессуаров взбесилась бы даже самая разнузданная сорока. Такие определения, как элегантность, изысканность, простота кроя, – не для этих заведений. Причем на ярлычках всего ассортимента в этих бутиках стоят громкие имена – Лагерфельд, Гуччи, Карден, Валентино и т. д. Но во всех коллекциях известных кутюрье всегда присутствуют крайности – ребята просто резвятся, не предполагая, что это будут надевать не только фрики. Им и в голову не приходит, что их шалости возьмут на вооружение батальоны упавших в богатство новорусских дам. С упорством маньяков отслеживают они «всякие штучки» и создают свой, особенный микромир моды, ковыляя поротно и повзводно в одинаково безумных прикидах. Хотя в общей массе своей они вызывают устойчивую ассоциацию с Тверской. И, наверное, было бы действительно интересно сделать материал о человеке, несущем «нашу прелесть» соратникам.

Когда я попыталась включиться в Жанкин поток сознания, подходила к концу душераздирающая глава о гнусных кознях налоговой инспекции.

– Хорошо, Жанка, договорились. Попробуем соорудить что-нибудь читабельное.

– Не бойсь, Ньюха, материал будет – супер. Знаешь, – в Жанкиных глазах все сильнее разгорался нездоровый огонек энтузиазма, – я думаю, тебе стоит на время работы над статьей пожить у меня. Машины ведь у тебя нет, а бегать на своих двоих в наш поселок дело утомительное. Да и по времени слишком долго. Так что готовься.

Дамы и господа! Если вы любители острых ощущений и адреналиновых забав вроде прыжка в водопад, то, возможно, вы бы и рискнули возразить. Но мой трусливый инстинкт самосохранения зверски придушил попытку сопротивления в зародыше. Но тот же инстинкт подбросил мне другую идейку. Я попыталась обрисовать Жанке, насколько у меня беспокойная и деятельная натура, ведь у меня сейчас одновременно несколько статей и очерков в работе, встречи с редакторами, да и переговоры с Майоровым в завершающей стадии, скоро надо будет ехать в Москву.

– Ньюма, ты не о том говоришь, – снисходительно улыбнулась Жанка, – все это ерунда. Я пришлю машину, перевезешь все свои материалы, компьютер, вещи и что там тебе будет нужно ко мне – и работай. Я ведь не требую, чтобы ты забросила все свои дела ради меня. Просто мне кажется, что так дело быстрее пойдет. Готовить и убирать тебе не надо, мы с тобой в свободное время посвистим обо всем. А если тебе куда надо будет по своим делам – я дам тебе машину с водителем. Что касается Майорова – так я же тебя не на всю жизнь зову. Думаю, до твоего отъезда управимся. А кстати, как Алексей на тебя вышел, у вас что, общие знакомые есть?

– Да, Илья Рискин, он в «Губернских новостях» ведет рубрику типа светской хроники, берет интервью у заезжих знаменитостей, так и познакомился с Майоровым, с тех пор они приятельствуют. А я Илюху уже лет пять знаю, работа такая, – машинально ответила я, замороченная Жанкиным натиском. – Слушай, у тебя ведь муж еще есть, ты с ним собираешься советоваться или как?

– Да, ты права, – помрачнела Жанка, – Слона-то мы и не заметили. Игорь у меня не Моська, с ним считаться надо. Ну да ничего, разберемся. Ты сейчас давай домой, я тебе машину вызову, готовься пока, друзей и знакомых оповести, что уезжаешь в командировку, а я тут тоже проведу подготовительную работу.

В себя я пришла, только когда машина, вызванная Жанкой, затормозила у подъезда моего дома. Моя нервная система пребывала в легком ступоре, спрашивая у хозяйки – чего делать-то? Обрадоваться или расстроиться? Хозяйка пожала плечами. Нервная система тоже пожала плечами и пошла спать.

Глава 2

Сон разума рождает чудовищ. Воистину, вернее не скажешь! Мой разум, подло стоворившись с нервной системой, задрях крепко и надолго. И подкинул мне славный кошмарчик. Весь сон за мной гонялся кто-то в белом балахоне и с косой, гнусно подвывая и периодически жизнерадостно интересуясь: «Вы все еще не в белом? Тогда мы идем к вам!» И завывал еще громче. Когда его вопли стали совсем невыносимы, нервная система раздраженно укусила разум за нос. Он и я вместе с ним ошалело вскочили. Завывания не прекратились. Фу ты, это же телефон! Ну до чего же мерзкие звуки издает эта гадость по утрам!

Я посмотрела на часы – разумеется, была несусветная рань, всего 10 часов утра. Телефон не замолкал. Нет, какими бывают настырными некоторые типы! Я приказала себе встать и убить телефон. Себя меня послала. Пришлось встать самой.

– Слушаю, – просипела я в трубку.

– Ну что, я тебя разбудил? Значит, день начался удачно! – знакомый голос стряхнул с меня остатки сна. – Ты бы не отключала мобильник, горе мое, а то из-за тебя звезда вчера весь вечер нервничала, плохо звезде пелось, все переживала – не вляпался ли глупый хомяк в неприятности.

Нет, он еще и резвится! Ну забыла вчера включить мобильный после посещения зубного, так у меня на то была объективная причина – меня Жанка утюжила. И это не повод издеваться над слабой женщиной.

– Ты, Лешка, все-таки редкий гад! Знали бы твои фанатки, как изощренно их кумир измывается над беззащитными и робкими, бесправными и угнетенными авторами его песен, они бы забросали тебя чертополохом вместо роз. Ты же знаешь, как я люблю долго и вкусно спать по утрам, а барабанишь с упорством, достойным лучшего применения.

– Вот за что я тебя обожаю, угнетенная ты моя, так это за изысканность речи. Ну ладно, слышу – ты в порядке. Включи мобильник, созвонимся позже. Мне пора бежать, все наши уже в автобусе, ждут меня. Едем дальше. Пока! – в трубке запищали гудки отбоя.

Кто бы мне сказал еще год назад, что я вот так буду общаться с самым закрытым персонажем нашего шоу-бизнеса, – пожалела бы убогого, всплакнула над его трудной судьбой психа. Алексей Майоров – живая легенда, загадочный и неприступный, яркий и эксцентричный, неизменно вежлив и отстраненно-замкнут. Никто толком ничего не знает о его личной жизни, и недостаток информации восполняется самыми безумными сплетнями и слухами. Толпы его фанаток не редуют, причем многие из них так и не повзрослели, по-моему. Вот на что уж Жанка Евсева сходила по нему с ума – но ведь прошло все, вот, замужем, бизнес свой, дела. А у других поклонниц болезнь приняла затяжную форму, и продолжают они, не глядя на возраст, таскаться за своим кумиром повсюду. Некоторых из них Алексей уже знает в лицо, а к особо буйным приходилось применять довольно жесткие меры. Но по-прежнему он собирает полные залы и купается в обожании публики.

Однако всегда он был для меня чем-то вроде виртуального персонажа. Пугачева, Лель, Газманов, Майоров – сплетни о них меня не волновали никогда, поскольку существовали они в параллельном мире, который никогда не мог пересечься с моим.

Пока однажды не решили мы с Илюхой Рискиным попить в очередной раз вместе кофейку. И зашел у нас разговор о современном шоу-бизнесе. Такие разговоры частенько к нам заходили, но так же благополучно уходили. Но в этот раз все получилось иначе. Когда я принялась хихикать по поводу текстовочек нынешних песенных опусов, Илюха возьми и скажи:

– Не прикалывается над этим убожеством только ленивый, а ты вот сама попробуй написать что-нибудь, на твой взгляд, приемлемое.

– Ой, ой, ой, как смешно. Ты же прекрасно знаешь, как я отношусь к стихам. Никак. Никогда ими не увлекалась, даже в юности, а сейчас тем более.

– Ну конечно, так я и знал. Тебе лишь бы повод был покриковать да чувством юмора блеснуть, отговорочки придумала. А то я не знаю, что все вы, дамочки, в юности Рубцовым зачитывались да Ахматову слезами поливали. Стихами она не интересуется, ха!

– Слушай, Илья, ты не Рискин, ты Тупискин! Говорю же тебе, не люблю стихи! – начала заводиться я.

– За Тупискина можно и в глаз. Да ладно, как хочешь. Все равно тебе не вымучить и пары строк, а хихикать проще, – и Илюха принялся раскачиваться на стуле с омерзительной ухмылочкой на физиономии.

Рискин умеет, если захочет, корчить просто отвратительно смешные рожи, но в этот раз мастер превзошел самого себя. Я не выдержала и пнула мастера по стулу. Стул обиженно взвизгнул и сбросил Илюху на пол. Но и с пола негодяй продолжал донимать меня снисходительной улыбочкой.

И взял-таки, как малолетку, на «слабо», поскольку дома я ничего не могла делать, стол с разложенной бумагой просто гипнотизировал меня. Очень хотелось попробовать. «Вот ведь зараза этот Рискин!» – обреченно подумала я и поплелась к столу. Честно говоря, я предполагала, что изгрызу в муках творчества не менее пяти ручек и выдам стишок типа: «Муха села на варенье, вот и все стихотворенье». Но стоило мне сесть над чистым листком бумаги, как в голове вдруг что-то щелкнуло. Я не знаю, как, я не знаю, откуда, но на бумагу торопливо, спеша и наступая друг другу на пятки, вдруг рванулись строка за строкой. Создавалось впечатление, что все эти годы они терпеливо сидели в темном и пыльном чуланчике моего сознания, и теперь, когда я случайно приоткрыла дверь этого чуланчика, они бросились вон.

В общем, через пару дней я шлепнула Илюхе на стол пачку исписанных листков и гордо удалилась. Вечером раздался звонок:

– Ну и как это назвать?! – раздался в трубке возмущенный вопль Рискина.

– А что, что случилось? – испуганно пискнула я.

– Ты издеваешься, да? Почему ты раньше не показывала никому свои стихи, у тебя же талант, дурында, причем такой его подвид, который можно хорошо продать. И чего, спрашивается, сидела, как Плюшкин, над своими стихами, чего кривлялась – не люблю стихи, не читаю!

– Стоп, стоп, Илья, не так быстро. Не писала я раньше ничего, это за последние два дня наваяла.

– ...! – ответил Рискин. – В общем, так. Никому их больше не показывай, облапошат тебя, кочерыжку убогую, в два счета. Радуйся, что у тебя есть я. Так и быть, буду твоим литературным агентом. Пошурушу тут по своим каналам, выйду на Москву. Только уговор – будешь мне мой процент от гонорара без писка отстегивать. Ну ладно, побежал, пока, талантелла!

Вот так. Кочерыжка убогая и талантелла в одном флаконе. С этого все и началось.

У нас с Илюхой получился классный тандем, поскольку помимо обширных связей в мире шоу-бизнеса у него присутствовало коммерческое чутье. Он прекрасно знал, к кому и когда нужно обратиться для получения наилучшего результата. Без него я со своими неожиданно открывшимися способностями сидела бы там, где находиться не очень увлекательно – темно, тесно и воняет. И, зная свой характер, я бы эти способности не просто закрыла, а расстреляла бы утром, на рассвете, без объявления приговора.

Разумеется, в Москве новых авторов никто не ждет с цветами и шампанским. Возле каждого мало-мальски популярного артиста выкопаны оборонительные рубежи покруче средневековых крепостей – там и кипящая смола, и колья, и рвы с пираньями. Если композитор или поэт пробился, оставляя куски тушки в зубах цепных пираний, к луноликому и солнцеподобному, да еще утвердился у кормушки с парочкой незамысловатых хитов, то уж будьте спокойны – место это он защищает всеми доступными ему способами. А не всем им Господь отсыпал спо-

собностей полной мерой, некоторые сперли пару ложек, а больше – нетути! Но певцам нужен новый материал для новых программ и альбомов. И выдавливают из себя придворные авторы порой редкостную муть. И болтается эта муть на волнах FM-станций, как... Ну, в общем, не тонет оно.

Могу сказать одно – без Илюхи меня скушали бы в момент, а моим текстам присвоили бы другое авторство. Но Рискин, хитрюга и интриган, честно отработывал свои будущие проценты. Он не стал соваться к титанам шоу-бизнеса, нет. Вначале мои тексты запели фабзайцы – выпускники многочисленных «Фабрик». Конечно, там паслись и маститые авторы, но фабзайцев-то много, и морковки им надо много, чтобы они, в свою очередь, капустку косили в супертурах типа Задрипанск – Жлобинка – Учертанакulichканск. Поэтому их дрессировщики были рады любому мало-мальски удачному материалу. Мои тексты пошли на ура. Денег мы с Илюхой вначале на этом практически не зарабатывали, работали на имя (вернее, на псевдоним). Потом к нам стали обращаться исполнители из ремесленников – ну, те, которые даже иногда в «Песне года» появляются и в районных центрах могут залы собрать. Наши акции поднялись, мы стали неплохо зарабатывать. Честно говоря, я думала, что это наш потолок, меня вполне устраивало текущее положение дел, о небожителях нашего шоу-бизнеса я особо и не думала. Они поют песни, авторами которых являются такие же небожители в мире поэзии и музыки.

Но однажды... Однажды Илюха приехал ко мне с невыносимо загадочным видом. В руках у него была небольшая коробочка, щедро разукрашенная бантиками и прочими подарочными финтифлюшками. Илюха вручил ее мне со словами:

– Это тебе, давно пора уже.

– Мне? А что это? И по поводу? Вроде день рождения был, 8 Марта тоже, Новый год еще будет.

– Знаешь, не напрягайся, распаковывай.

– Да, распаковывай. Навертел тут ерунды всякой, пока разорвешь, – ворчала я.

– Нет, мадам, вы все же невыносимо скучны и прозаичны, и как ты еще стихи умудряешься ваять – ума не приложу. Ей преподносят очаровательно упакованную коробочку, и вместо того, чтобы умилиться, поцеловать дарителя в небритую щечку и аккуратно, подчеркиваю – аккуратно распаковать сюрприз, она пыхтит, бухтит и рвет красоту в клочья, – взгрустнул Илья.

– Знаешь, Рискин, пусть тебя в небритые щеки и другие небритые места целуют твои блондинки-модельки, их у тебя целая очередь. А умиляться красивой упаковке я перестала давно – частенько внутри оказывалось... Ну, всякое. Опаньки, мобильник! С чего вдруг, – я с удивлением рассматривала маленький изящный аппаратик.

– Тундра ты, подруга, чум позапрошлогодний. Ну сколько можно тупо сопротивляться достижениям цивилизации. Я вон уже три трубки сменил, а тебе дай волю – голубиной почтой пользоваться будешь.

– Ну Илюха, ты же знаешь, не хочу я, чтобы меня можно было найти всегда и везде. Ты прекрасно ведешь все деловые переговоры, а по своим делам я могу дозвониться и с домашнего, – попыталась сопротивляться я.

– Все, дорогуша, все. Кончилось это время – «с домашнего, не хочу». Суровая действительность безжалостно врывается в твое болотце. У нас, возможно, появится клиент, который предпочитает общаться с авторами напрямую, без посредников. Он заинтересовался твоими опусами, и теперь ты должна быть всегда доступна.

– Рискин, ты сам понял, что сейчас сказал? Доступные дамы – это в газету, смотри объявления типа: «Мадам Темперамент – позвони».

– Ой, не могу, – Илюха мерзко заржал, – мать, не заносись. Ты, конечно, дама интересная, но к тебе больше подходит рубрика: «Лечение змеиным ядом – позвони». Ладно, хватит

гундеть. Вот телефон, номер свой напрягись, запомни. Возможно, подчеркиваю – возможно, скоро тебе позвонят. Постарайся вести себя прилично.

И ускакал, оставив меня наедине с этим чудом современной техники. Следующий час я провела, пытаясь перейти с этой крошкой на ты. Что самое интересное, мне это почти удалось. Я даже смогла подобрать определенные мелодии на некоторые номера из моей записной книжки. Причем на этого негодяя Рискина я установила волчий вой. И, разумеется, эти завывания были первыми звуками, которые издал мой телефон. А издал он их как раз в тот момент, когда я расплачивалась в кассе нашего супермаркета. Надо ли говорить, что эффект был потрясающий, ведь на радостях я установила максимальную громкость звонка. Пока я дрожащими руками копошилась в сумочке, пытаюсь найти этот чертов мобильник, волк выл, не переставая. Хотелось невольно посмотреть вверх в поисках полной луны. Оправившаяся от первого шока кассирша смотрела на меня с плохо скрываемым сомнением и легкой жалостью. Казалось, она хотела сказать: «Как же это тебя выпускают одну, без сопровождения и намордника?» Тот же вопрос читался в глазах остальных посетителей и парочки секьюрити, словно бы невзначай нарисовавшихся рядом. Наконец, вспотев от напряжения и сломав целых два, ДВА ногтя, я отыскала-таки эту гадскую машинку на самом дне сумочки.

– Да, – рявкнула я, прижав трубку к уху плечом и одновременно пытаюсь расплатиться за покупки.

– Да неужели, радость моя, ты справилась! – громко зазвенел жизнерадостный голос Рискина. Поскольку слышимость была отличная, окружающие с интересом стали прислушиваться. А кассирша отсчитывала сдачу буквально по рублю. – Всего каких-то 18 гудков – и ты уже нашла нужную кнопочку и даже смогла нажать на нее! Умничка! – продолжал резвиться Илюха.

– Я тебе перезвоню, – только и смогла простонать я и отключила телефон.

В глазах присутствующих уже не читалось никаких сомнений по поводу моей полноценности. Кассирша вложила мне сдачу прямо в ладонь, а один из секьюрити заботливо помог упаковать покупки и даже проводил меня к выходу.

Разумеется, Рискин не стал дожидаться моего звонка и перезвонил сам, но в этот раз застал меня уже дома. С наслаждением, разложив аргументы по полочкам и украсив речь разнообразнейшими эпитетами, я поведала все, что я думаю:

а) о нем;

б) о его... телефоне;

в) о мифических клиентах, из-за которых я вынуждена мириться с этой дрянью.

– Ага. Ясно. Ты в норме, – удовлетворенно сказал этот монстр и отключился.

И чего звонил?

Через пару дней я признала, что мобильник действительно очень удобная вещь. Я даже усвоила две самые главные заповеди мобилотовладельца. Первая: не забывать заряжать аппарат. Второе: НИКОГДА не бросать его в сумочку.

Все это время я безуспешно пыталась расколоть Илюху, ради кого все-таки он разорился и купил мне телефон? Но Рискин был суров и стоек, как старая дева в военном санатории. И так же неприкосновенен. Я успокоилась, решив, что он раздувал жабры просто так, из любви к искусству.

Пока однажды вечером не раздался звонок. Обычный, без спецмелодий, значит, кто-то незнакомый. Я посмотрела в окошечко телефона – номер не определился. Честно говоря, ужасно не хотелось ни с кем общаться, настроение было препаршивое – я только что взвесилась. Но, вспомнив, насколько занудлив может быть Рискин, если я не выполняю его ценных указаний, я взяла трубку.

– Да, слушаю.

– Добрый вечер, Анна, – услышала я вежливый мужской голос, который показался мне смутно знакомым, – очень рад познакомиться с вами.

– А уж как я рада, вы и представить не можете. Не скончаться от переизбытка впечатлений мне мешает только мысль, что мне неизвестна персона, повергшая меня в такой экстаз.

– М-да, – хмыкнули в трубке, – Рискин меня предупреждал, что салат из кактусов есть проще, чем с вами беседовать. Позвольте представиться – Алексей Майоров.

– Принц Тимбукту, пэр Англии, вице-губернатор Земли Франца-Иосифа, – тем же слегка торжественным тоном продолжила я, – это ничего, что я сижу и в тапочках? Знаешь, Илюха, это даже не смешно, имитатор ты из Урюпинска. Что ж ты для розыгрыша такую малоинтересную для меня звездочку изображаешь? Давай уж сразу Элтона Джона или там Иглесиаса какого, а то – Майоров! Фи!

В трубке воцарилась тишина. Потом мой собеседник так вкусно расхохотался, что я непроизвольно заулыбалась сама. И одновременно сердце мое рванулось к пяткам, но застряло в желудке и притворилось куском ледяного мороженого. Смех был не Илюхин, я прекрасно знаю его смесь ржання с похрюкиванием. Вот попала! Похоже, это действительно Майоров. Кто бы оторвал мне язык, а?

– Слушай, ты чудо, – отсмеявшись, сказал Майоров, – я буду на ты, не возражаешь? Со мной уже лет 15 никто так не общался, класс! Честно говоря, давно собирался позвонить, но для меня каждое новое знакомство – нож острый. Обычно сразу льется столько сиропа, что у меня изжога начинается. Но все же когда я прочитал твои стихи, которые мне Илья послал по электронке, очень надеялся, что ты другая. И тянул со звонком, опасаясь опять услышать кандидатку в очередь на целование моего седалища.

– Ну что вы, Алексей, даже в самых буйных эротических фантазиях мне и в голову не приходило целовать мужские попки, – автоматически лягнула я. Тут же попыталась захлопнуть рот ладонью, но словесная диарея неизлечима. – Меня целовали, это было, но ведь не предлагать же мне теперь этот эксклюзив каждому встречному. А у вас целая очередь. Да вы, батенька, извращенец, похоже. Даже определение вам есть – вуайерист или эксгибиционист, точно не знаю. Не интересовалась этим вопросом, потому что уж очень слова трудные, плохо рифмуются.

«Не сидеть мне, похоже, на музыкальном олимпе, обруч Алексея Майорова, не видать мне, убогой, на полочке в стеллаже диплома «Песни года». А я уже и местечко приготовила...» – думала я, пережидая всхлипывания в трубке. Придя в себя, Майоров простонал:

– Ты чудо! Давно так не смеялся. Но я же просил на ты. Ну-ка, попробуй.

– Как я могу что-то попробовать, если ты в Москве, а я здесь. Я же не вижу, что ты пьешь, – немедленно отреагировала я.

– Ай, молодец! Видишь, как просто. Ну вот, а теперь по поводу текстов...

Так мы и познакомились. Но я до сих пор не могу связать эксцентричного и порой мрачного типа с телеэкрана и классного парня в телефонной трубке. Да, мы действительно до сих пор не встречались, как я и сказала Жанке, просто не получается. А я, если честно, побаиваюсь встречи. Боюсь разрушить те отношения, которые у нас сложились на сегодняшний день. У нас оказалось столько общего, мы часами можем висеть на телефоне или обмениваться письмами по электронной почте. Я делюсь с Лешкой своими проблемами, ною по поводу своего веса и внешности, прикалываюсь над его сценическими выходками. Я в курсе его бед и сомнений, радостей и забот. Кажется, что мы знаем друг друга сто лет. Я часто думаю теперь – а кто для меня Лешка? Друг – это точно, но и брат, и отец, и... Впрочем, все. Я не знаю, кто ему я, но чувствую, что наше общение необходимо ему не меньше, чем мне. Я никому не рассказываю о наших отношениях, для всех, и для Рискина тоже, у нас сугубо деловая связь автор – исполнитель. Только Илюха заметил, что тексты, которые я стала выдавать для Майорова, получаются очень личностные, написанные словно самим Алексеем. Но Рискин приписывает это моему возросшему профессионализму. Может, он и прав.

Глава 3

И вот стою я перед зеркалом, простая русская баба, с утра зловредным типом разбуженная, невыспавшаяся и очумелая, и совсем мне не хочется спрашивать у этого стекла: «Свет мой, зеркальце, скажи...» и так далее. Заранее знаю, что ответит мне эта предательская гадина. Причем поверьте – слова «милая» и «прекрасная», а также их возможные синонимы там будут отсутствовать напрочь.

Всласть насмотревшись на плакат «Печальные последствия неумеренности в еде и вине для женщины среднего возраста» и даже почистив перед ним зубы, я поплелась на кухню варить кофе. Мрачно глядя на поднимающуюся пену, я размышляла о несправедливости, я бы даже сказала, неуместности некоторых поговорок. Особенно вот эта, насчет завтрак – сам, обед – с другом, а ужин – врагу. Ну почему не наоборот, а? Ведь мало кому в голову приходит трескать утром тяжелую, сытную пищу. Я, например, с трудом кофе в себя вливаю, ну, иногда еще бутерброд проскакивает. И большинство так, знаю точно. Обед еще так-сяк, черт с ним, с другом, поделюсь. Но ужин! Слегка переиначив бравый военный марш, хочется с чувством спеть:

Чужой еды мы не хотим и грамма,
Но и своей врагу не отдадим!
Враг фиг получит, вот.

Я уже подумывала написать небольшое изящное эссе на эту тему, но тут опять зазвонил телефон. Упс! Мобильник-то я так и не включила. Если это опять Лешка, нагоняя мне не избежать. Воровато оглянувшись, словно кто-то мог меня увидеть, я включила аппаратик и только потом сняла трубку домашнего телефона. И облегченно вздохнула – это была Жанка.

– Привет, Нюсь, как доехала, как спалось?

– Моя щедро нашпигованная твоими разносолами тушка была любезно доставлена твоим водителем прямо к подъезду. И даже не пришлось вызывать спасателей, чтобы вынуть меня из машины, зацени! А сейчас вот стояла перед зеркалом, осматривала руины, бывшие когда-то человеком и, даже не побоюсь этого слова, женщиной, и думала о том, как тебе, Жанка, удастся, имея такую кухарку, оставаться изящной и юной, а?

– Счастлирое сочетание генов, – хохотнула Жанка. – Ну ладно, ты мне вот что скажи – когда ты ко мне готова перебраться?

– Матушка-государыня, ты что, сбрендилла? Я только что реанимировала себя чашкой кофе, память включится минут через сорок, а способность мыслить не раньше чем через час. А ты что, уже переговорила с мужем?

– Потом переговорю, я сначала хочу узнать твои планы, а потом уже будем вместе их корректировать, – деловито щебетала Жанка.

– Знаешь, дорогая, ты не просто дорогая, ты еще и глухая. Говорю же тебе – сообразать смогу не раньше чем через час, а ты меня в ступор вгоняешь такими трудными словами – «корректировать».

– Ладно, Нюшенция, восстанавливайся, а потом меня набери, хорошо?

– Ага, наберу. Из паззлов сложу. Ты же мне координаты свои так и не дала, курица!

– Точно. Ладно, думаю, сейчас у тебя все равно ничего под рукой нет, чтобы записать, а я уже убегаю. Я сама тебе перезвоню.

– Ну-ну, попробайся, резвая ты моя. – Я положила трубку и попыталась напряженно задуматься.

Не получилось. Как обычно.

Поскольку стихи составляют сейчас основную, но не единственную часть моей творческой жизни, суровая необходимость ехать в редакцию газеты, для которой я заканчивала статью, с неотвратимостью вставала над горизонтом. Неотвратимость выглядела премерзко. Я плюнула на нее и гордо отправилась на эшафот. Вслед раздалось невнятное бурчание неотвратимости. Похоже, она грязно материлась.

Прибыв на место, я пошла разыскивать Людмилу Петровну, заместителя главного редактора. Хотя она просит называть ее Людочкой, у меня язык не поворачивается, поскольку очень трудно заводить приятельские отношения с самкой каракурта. Но надо отдать ей должное, журналист она классный, профессионал, каких поискать. Обсудив с ней материалы по моей статье и внося необходимые, с ее точки зрения, изменения, я решила заодно и навести справки насчет Жанки и ее мужа.

– Людмила Петровна, вы у нас в городе знаете практически весь бомонд, – замела я хвостом.

– Ну что ты, Аннушка, не весь. Но, конечно, многих знаю, – заскромничала Людочка, – а что ты хочешь узнать?

– Знакомы ли вы с Жанной, владелицей магазина «Если вы леди»?

– Кармановой? Да, конечно, частенько с ней встречаюсь на светских тусовках, она обо- жает там появляться. Дамочка та еще, – начала было самозабвенно токовать Петровна, но вдруг опомнилась: – А тебе зачем?

– Мы вместе в школе учились, встретились вот вчера случайно. Я и не знала, что этот бутик ее. То-то она так одета шикарно, а дом какой – закачаешься, – запустила я пробный камень.

Одним из известных всем «достоинств» нашей Людочки является зависть, обычная такая, черная. Петровна терпеть не может, когда в ее присутствии о ком-либо хорошо отзываются, сразу начинает плевать ядом. Практически обо всех у нее есть негативная информация. По-моему, это превратилось в милое такое хобби – собирать компромат. У нас все знают: хочешь узнать гадость о ближнем – похвали его в Людочкином присутствии. И узнаешь все. Причем это будут самые достоверные факты – сплетнями Людок не занимается, хоть и журналист.

И я продолжила:

– Молодец Жанка, добилась ведь, наверное, всего своим трудом. А такая в школе была романтичная, фанатела по Майорову, в жизни бы не сказала, что станет успешной бизнес-леди.

Сработало! Людочка завелась с пол-оборота:

– Кто бизнес-леди? Жанна? Я тебя умоляю! – она прикурила сигарету, со вкусом затянулась и приготовилась посвятить ближайшее время любимому делу. – Да ее магазинчик едва-едва в ноль работает, какая там прибыль! Это ей Карманов, муж ее, игрушку купил, чтобы Жанна могла корчить из себя значительную особу и не мешала ему.

Процесс сжеживания яда проходил успешно, и, чтобы этот процесс не останавливался, я подхлестывала Людочку попытками сказать в адрес Жанны ну хоть что-нибудь хорошее. В целом картина выглядела так.

Жанна Евсеева после окончания школы еще пару лет маялась дурью, мотаясь за своим кумиром. Потом, судя по всему, угомонилась. Выучилась на фармацевта и устроилась в научно-производственное объединение «Фарма», занимающееся разработкой и производством лекарств. Предприятию этому было уже лет двадцать, работа там велась ни шатко ни валко, без особого фанатизма. Но Жанночка не успела там обрасти паутиной и зачахнуть, поскольку начался период безвременья начала 90-х. Объединение стало лихорадить и потряхивать (обращаю внимание, что именно буква «я» после «р», а вовсе не «а», хотя по смыслу...). Но Жанночка не обращала на это внимания, поскольку была занята увлекательным делом – отстрелом самцов из засады (на что, кстати, даже охотничья лицензия выдается, охотники

знают). Когда очередная жертва падала к ее ногам, Жаннета теряла к ней всякий интерес и охотилась дальше. Но когда ее уютное болотце, именуемое НПО «Фарма», перестало быть объединением, а стало скорее разъединением, распадаясь с катастрофической быстротой, Жанна поняла – пора! Необходимо было выбрать самца поперспективнее и быстренько выйти за него замуж.

И тут, надо отдать Евсеевой должное, она показала себя умной и дальновидной дамочкой. Жанна не пошла по проторенному многими поколениями охотниц пути, не ставила капканы на быстро богатеющих братков или на хорошо устроенных сынков партийной элиты. Нет, она внимательно осмотрелась, прикинула перспективы и неожиданно для всех кинулась, как носорог, в атаку на невзрачного заведующего лабораторией новых лекарственных форм Михаила Карманова. Страшненький, вечно ходивший в засаленных на локтях и обсыпанных перхотью на плечах пиджаках, лысоватый, но густо заросший шерстью по всему телу (о чем свидетельствовали кудряшки, застенчиво высывающиеся между пуговицами рубашки на груди, и буйная поросль на руках), Миша давно и прочно закрепился на позициях старого холостяка. И, честно говоря, даже несмотря на изобилие работающих в объединении незамужних прелестниц, очередь желающих плотно пообщаться к нему не стояла. Уж очень убогое впечатление производил Карманов, да еще у него дурно пахло изо рта – то ли с желудком проблемы, то ли зубы не лечил. Миша особенно не напрягался по этому поводу, поскольку по уши был погружен в науку. Он был чудовищно, до безобразия талантлив, кипел энтузиазмом и фонтанировал идеями, готов был ночевать в лаборатории, колдуя над пробирками.

Атака Жанны застала его врасплох. Устоять перед ее энтузиазмом он не смог, да и не очень старался, ведь Евсеева была признанной первой красавицей их околотка. И вскоре он очумело рассматривал обручальное кольцо на своем пальце, а Евсеева стала Кармановой. Коллеги хихикали ей вслед и строили разнообразнейшие версии происшедшего, следующие пару месяцев после свадьбы эта тема была любимейшей у местных сплетниц, но потом все притихло. Жанна цвела по-прежнему, да и Михаила привела в мало-мальски приемлемый вид – придела, подлечила, стала таскать его в лучший в городе салон причесок. И ничего такой мужчинка получился. Но по-настоящему все знакомые Жанны оценили ее прозорливость, когда после окончательного развала НПО «Фарма» через полгода в городе появилась «Карманов-Фарма». Новорожденный очень быстро встал на ножки и так резво побежал, что через три года стал одним из крупнейших фармацевтических концернов России. Карманов оказался не только талантом в науке, но и гением в бизнесе – поистине редчайшее сочетание, одно на миллион. Как умудрилась увидеть это в зачуханном завлабе Жанка, останется ее тайной навсегда. Но она увидела – и теперь вся в шоколаде. Детей у них не было, хотя оба были здоровы. Карманов очень хотел наследника, но пока ничего не получалось. Людочка предполагала, что это Жанка крутит хвостом. Ну не любит она детей, и все.

Поначалу Жанна даже работала на фирме мужа. Но, вероятно, сильно утомляла Михаила, потому что вскоре он купил жене помещение под магазин в центре города, оформил на нее все лицензии, открыл счет и сказал: «Дерзай, дорогая, только не пытайся больше быть фармацевтом, не твое это, не твое». Жанка с энтузиазмом взялась за дело, обустроила все по своему вкусу и болтается на плаву уже несколько лет, не тонет. Да и сложно утонуть, имея такого всемогущего мужа. Во всяком случае, на ее магазин не наезжают ни братки, ни налоговая инспекция.

Я вышла от Людмилы Петровны с гудящей головой. Очень сложно не заболеть, находясь так долго рядом с этим сгустком злобы. Расстреляла всю ауру, на фиг. Приду сейчас домой, Лешке позвоню. Надо же как-то ауру латать.

Глава 4

Но дозвониться до Лешки не получилось. «Абонент временно не доступен» – гугнила трубка. Наверное, в самолете сейчас, вот и отключил. Честно говоря, я даже не знаю, куда Лешка летит, абсолютно не интересуюсь его гастрольным графиком. Этот график настолько плотный, что я просто диву даюсь – как Лешка выдерживает такой ритм. Сегодня прилетел, завтра уже улетает. А бывает, что утром прибыл, вечером убыл. Кошмар!

Это, конечно, и является основной причиной того, что мы ни разу не встречались очно. Полгода мы только созваниваемся, но за эти полгода у нас уже накопилось материала на пару альбомов. Скоро, в июле – августе, у Лешки будет перерыв в гастроях. Он отпустит свой коллектив на отдых, я приеду к нему в Москву, и мы выберем из всего написанного самое лучшее. Лешка запрется в студии звукозаписи, и, думаю, где-то к октябрю – ноябрю этот трудоголик выпустит альбом и подготовит новую программу.

Заверещал телефон. Наверное, Жанка опять. Точно!

– Привет, привет, Нюсик. Ну как ты, приняла уже вертикальное положение?

– Шутишь! Я даже в редакцию успела съездить, поработала над статьей, во как.

– Ура труженикам пера! Ты смотри, стихами заговорила. Я вижу, общение с поэтами заразно. Ну что, работаем надо мной?

– Над тобой, Цветик, пусть работают твои стилисты, массажисты, а иногда и законный супруг. А мы будем работать над материалом о тебе, косноязычная ты моя, – не преминула поумничать я.

– Ладно, ладно, не слепи интеллектом. Ближе к делу, – упорствовала Жанка.

– Ну хорошо, хорошо. Сегодня у нас что, какое число?

– Пятое июня, балда.

– Сама балда. Так, значит, пятое июня. С Майоровым у нас работа запланирована где-то в июле – августе, мне еще надо сдать статью, которую я уже практически закончила, и очерк про многодетную семью. Как думаешь, сколько времени понадобится, чтобы препарировать тебя?

– Фи, как ты гадко сказала. Так и вижу растопыренную лягушку из учебника биологии. Не надо меня растопыривать, про меня надо стихи писать, – кокетничала Жанка.

– Ага, если только басни, типа «Стрекоза и муравей».

– Да, всегда плакала над горькой судьбой милой стрекозки и хотелось затоптать этого мужлана – муравья. Но ты опять меня запутала, по делу говори.

– Я уже битых полчаса слушаю твое брэнчанье и не слышу ответа на простой вопрос – сколько дней на тебя отвести?

– Я думаю, дней десять.

– Жанна, Жанна, ку-ку, проснись. Какие десять дней, я что, по-твоему, роман написать должна? Пять дней – выше крыши.

– Мало, ну Нюшечка, ну заечка, ну хотя бы недельку, – заныла Жанна.

– Нет, пяти дней вполне достаточно, поверь мне, – упорствовала я, – да и не смогу я больше, ведь с первых чисел июля у меня все занято, я же тебе говорила. В общем, так. Я смогу к тебе приехать с 20 по 30 июня, в этом промежутке. Устраивает?

– Ну что ж, пять так пять. Я переговорю с Мишаней, он как раз в конце июня опять в командировку едет, а потом тебе перезвоню, скажу точно – когда. Договорились?

– Разве от тебя отвяжешься. Договорились. Только ты уж позвони хотя бы за пару дней до часа X, чтобы я собраться могла.

– Хорошо, обязательно. И вот еще что. Слушай, Нюсь, не говори никому, что ко мне едешь, ладно?

– Почему?

– Хочу, чтобы твоя статья была для всех сюрпризом. Вот бомба будет, на тусовках все скукожатся от зависти, – радовалась Жанка.

– Как мало надо человеку для счастья, – вздохнула я, – просто детский сад какой-то! Ну хорошо, никому не скажу.

– Никому-никому, даже лучшей подруге, – не успокаивалась Жанка.

– Не увлекайся, Жанусь. А лучшей подруге я и не смогла бы сказать, Таньский в отпуске, в Турции.

– Какой Таньский?

– Здравсьте. Танюха моя, мы с ней с первого класса дружим, страшно вспомнить, сколько лет уже, ты что, забыла?

– А, Старостенко! Как же, помню. Ну как она? Хотя ладно. Наговоримся у меня. А сейчас мне пора бежать. Значит, помни – тайна!

– Пока, Мата Хари губернского разлива, – улыбнулась я и положила трубку.

Следующие пару дней прошли в обычной для окончания работы над статьей суете.

Я без конца моталась в редакцию, выпивала с Людочкой литры кофе, задышалась в извергаемых ею клубах дыма (курящий каракурт – это не только тренинг для картавых, это еще и незабываемое зрелище) и уползала от нее совсем измочаленной, напоминая себе улитку, которую пытался изнасиловать жук-носорог: не отымею, так хоть в футбол поиграю. Все, в следующий раз статью для газеты Людмилы Петровны я буду писать ну очень не скоро, будь она хоть трижды профи. Если бы не Лешка, висеть мне высохшим трупиком в ее паутине.

Сегодня, сдав наконец материал в печать, после насыщенного и плотного общения с Людкоком я сидела дома и бездумно пялилась в телевизор. Обычно, закончив работу над какой-нибудь статьей, я звоню Таньскому, и мы с ней идем в сауну смывать накопившийся негатив. Раньше ходили вдвоем в люкс, но там скучно, нет того разнообразия впечатлений, как при коллективном посещении (И попрошу без гнусных ухмылочек – в бане мы моемся. И только). Но и общая баня тоже не в кайф. И мы нашли оптимальный вариант. В одном из многочисленных оздоровительных комплексов, где есть кроме парилки и бассейн, и гидромассаж, и водопад – сеансы поочередно мужские и женские, и количество мест ограничено. Вот туда мы с Таньским и стали ходить, устраивать праздник жизни. Места там достаточно, все бабцы приходят мелкими компашками, располагаясь со вкусом. Общество весьма демократичное, поскольку выпендриться особо-то нечем, все голые. Если только фасоном шляпок для парилки, но и здесь в основном старые вязаные колпаки. И напоминает вся наша банная тусовка лежбище тюленей (если можно представить тюленей в вязаных колпаках). Те же томно развалившиеся тушки, тот же мерный гул над стадом, так же лениво отдельные особи поднимаются, вперевалку плюхают к бассейну, и так же, с шумом и фырканием, падают в воду. Мы с Танюхой постоянно удивляемся молодецкому здоровью и лошадиной выносливости так называемых старушек. Честное слово, друзья, легенды про оборотней – правда! Сложены они именно об этих дамах. Вы все с ними встречались, особенно в час пик в общественном транспорте. Когда в набитый стиснутыми в самых замысловатых позах пассажирами автобус начинает втискиваться дряхлая старушка. Сгорбленная, несчастная, доживающая, похоже, последние дни на этом свете, пытается войти она в салон. И, боясь приблизить кончину этого антиквариата, пассажиры, мысленно матерясь, стараются принять еще более причудливые позы, в сравнении с которыми «Камасутра» отдыхает, и пустить рассыпающуюся леди в автобус. Но если бы видели сострадательные пассажиры этих старушек в бане! Забираются они обычно на самые верхние полки в парилке, где у меня лично от жары кожа лопнула бы вмиг, и начинают охаживать друг дружку вениками. Потом, раскалившись до алого сияния, они лезут под водопад, над которым висит объявление: «Время нахождения не более 5 минут». Ха! Наивные. Наши экс-дряхлашки торчат там по полчаса, подставляя под водяной молот самые разнообразные части тел. Но я все равно в транспорте стараюсь уступить им место, потому что я видела их мускулы.

В общем, распаренные и расслабленные, потягиваем мы с Таньским пиво, треплемся обо всем и ни о чем, и не нужны нам никакие психотерапевты. Уходит, смывается весь напряг, и наступает полный релакс. Можно и опять на баррикады.

Но сегодня Таньского нет, она нежится на пляжах Турции, а я сижу тут одна-одиношенька. Может, поэтому так отвратно на душе. Даже почему-то захотелось всплакнуть, чего не делала даже в период развода с мужем. «Эй, эй, ты чего, – возмутилась я, – а ну, брысь, хандра! Еще не хватало! Может, пора начинать сериалы смотреть и рыдать по ходу действия, положив рядом пачку бумажных платков, чтобы было куда сморкаться во время особенно трогательных сцен. Пошла, пошла, не дождешься!» Хандра гаденько ухмыльнулась и показала мне... Нехороший, в общем, жест показала, неприличный. Я уже собиралась снять тапку и запустить этой сволочи в лоб, но тут запиликал мобильный телефон, воспроизводя мелодию одного из хитов Майорова. Победно показав хандре язык, я схватила трубку:

– Да, слушаю.

– Привет, надежда русской поэзии, – теплый Лешкин голос был так кстати, – ну как ты? Что-то мне неспокойно, у тебя все в порядке?

– Ой, Лешик, как же я рада тебя слышать! – этот предатель-голос почему-то задрожал. Хандра оживилась и высунулась из-под плинтуса, тапка смачно шлепнула ее по голове. Хандра взвизгнула и спряталась. – У меня все нормально, просто устала очень, сегодня статью сдала.

– Что, опять Людочка тебя очаровывала? – Лешка ведь был в курсе всех моих дел.

– Она, родная, она. Да еще Таньский в отпуске, не с кем душу отвести. Как-то тяжело ей, душе.

– Глупости, это у тебя аллергия на излишек яда, не грусти. Позвони этой своей однокласснице, как ее – Жанне.

– Лешка, о чем ты? Жанка – современная бизнес-леди, у нас с ней и в школе особо теплых отношений не было, так – учились в одном классе, да и не виделись сто лет – какие откровения. Она – моя работа, я же говорила тебе, – ну конечно же, я рассказала все Лешке, он ведь не живет в нашем городе, поэтому уговор с Жанкой на него не распространяется.

– Слушай, что-то не так. Ты еще меня ни разу не укусила. Не узнаю тебя, – Лешка заметно волновался, – немедленно говори, что произошло?

– Я же говорю – ничего. Просто, – я не знала, как объяснить свое настроение, потому что и сама не понимала ничего, – просто давит что-то, словно беда какая-то случится. У меня похожее чувство было незадолго до папиной смерти. Вроде все хорошо, а дышать нечем.

– Не пугай меня, слышишь? Черт возьми, ведь я даже не могу к тебе приехать, связан гастрольным графиком по рукам и ногам, но ведь до июля осталось всего три недели, дай мне слово, что никуда не влезешь, папарацци безумная, – таким я Лешку еще не слышала, он почти кричал.

И я не выдержала. Я отвыкла от мужской заботы, я привыкла сама справляться со своими проблемами, к чему меня приучил мой бывший муж. Он терпеть не мог выслушивать мои жалобы. «Не дури мне голову» – один ответ. И я улыбаюсь теперь всегда, даже когда очень плохо. В общем, разрешите представиться – королева. Снежная. Очень холодная. Бывшая. Потому что сейчас от нее, от королевы, осталась теплая лужица. Растаяла самым постыдным образом, не подобающим для куска льда. И почему? ПОЖАЛЕЛИ. Нельзя так. Нечестно. Сижу вот теперь, хлюпаю носом, реву в три ручья. А на том конце провода Лешка рычит, как раненый тигр:

– Ты можешь мне сказать, что происходит? Отвечай немедленно! Я ведь сейчас все брошу, заплачу неустойку и рвану к тебе! Я полгода тебя знаю, и никогда такого не было! – трубка просто раскалилась от его натиска.

– Ну прости, разнюнилась. Просто никто никогда так за меня не волновался, только папа. Ты, если не хочешь еще раз услышать унылое хлюпанье, не жалея меня больше, не надо. Я

вот сейчас успокоюсь, пойду возьму у соседского мальчишки водяной пистолет и безжалостно расстреляю эту подлюгу-хандру, которая не только сама из-под плинтуса вылезла, но и всякие бабские штучки типа нытья, хныканья и тоски зеленой приволокла. Пусть не ждут пощады, я теперь опять суровая и холодная, – прохрюкала я в трубку, тщетно пытаюсь не всхлипывать.

– Ну ладно, суровая, – постепенно успокаивался Лешка, – слышу знакомые нотки. Скажите пожалуйста, не жалейте ее! У тебя забыл спросить. Запомни – я всегда делал и буду делать то, что считаю нужным. И всякие тут суровые и холодные дамочки мне не указ. А если еще раз доведешь звезду до предынфарктного состояния, будешь отвечать перед толпами фанатов, потому что, умирая, я найду силы прошептать посиневшими губами имя негодяйки, лишившей их счастья лицезреть меня, любимого.

– Вай, баюс, баюс, как минэ сытрашна, – совсем развеселилась я, – а я сделаю пластическую операцию, сменю пол и имя – фиг твои поклонницы меня найдут. О, идея! Я переделаю внешность под тебя и скажу всем, что я твой сын! Как, изощренно я придумала? Мой больной разум еще и не так порезвится, ты там, в раю, все арфы от злости переломаешь, попомни.

– Это кто-то тут намекает на крохотную разницу в возрасте, или я чего не понял? – светским тоном осведомился Лешка.

– Ничего себе, крохотная! Целых десять лет, да еще если учесть, что кое-кто выглядит просто затертым и гнутым пятакон рядом с новенькой блестящей копеечкой-Анечкой.

– Ну слава богу! – рассмеялся Лешка, – наконец-то ты в форме опять, золотая моя копеечка-Анечка. Ты давай там, завершай дела свои нудные со статьями, с Жанной этой – и ко мне. Поговорим тут по поводу затертых и гнутых, и вообще... Пока, плакса!

– Пока, скандалист! – не осталась в долгу я и положила трубку.

Все-таки здорово, что ты у меня есть, Лешка!

Глава 5

Наверное, Лешка перезвонил Рискину и настоятельно порекомендовал этому обалдую окружить вниманием и заботой не очень молодого, но очень перспективного автора, потому что буквально на следующий день Илюха приперся ко мне в гости, да еще не один, а с очередной подружкой. Я даже не стала напрягаться и запоминать ее имя, поскольку прекрасно знаю, что в следующую нашу с Илюхой встречу рядом с ним будет уже другая киса. Причем похожи его пассии одна на другую до изумления – высокие (выше кавалера, как правило, сантиметров на 10–15), аппетитные, но не подумайте, что с параметрами 90–60 – 90. Нет, не так прост Рискин! Его эксклюзивчики обычно 120 – 80—120. И, разумеется, блондинки, здесь Илюхин вкус прост и безыскусен. Само собой разумеется, что интеллект этих дам занимает последнюю строчку в списке их достоинств. Не любит наш бонвиван напрягаться с утонченными эстетками, ему милы жизнерадостные тетки, обожающие солдатские анекдоты, вкусную пищу, обильную выпивку и незатейливый секс.

Обычно я с Илюхиными подружками пересекалась только на немногочисленных тусовках, которые приходилось посещать в случае острой необходимости, и никогда Рискин не являлся с этим счастьем ко мне в гости. Спасибо, хоть позвонил, предупредил, что придет всячески меня развлекать. Я попыталась оказать сопротивление, но мои доводы в пользу одинокого уютного вечера с книжкой были отвергнуты, как меньшевистские и в корне оппортунистические. Даже мое признание в полной и безоговорочной капитуляции на кулинарном фронте не произвело на Илюху ровно никакого впечатления. «Разберемся», – буркнул он и повесил трубку. Повешенная была казнена ни за что, погибла безвинно.

И вот он, мой вечерний глюк – сияющий Рискин с бутылкой моей любимой «Хванчары» в руках и большущая деваха, навьюченная всевозможными пакетами. Теперь я поняла, почему Илюха предпочитает дам такого калибра – помимо всех обычных удовольствий у них еще и грузоподъемность большая. Ну Рискин, ну жучара!

Илюха подтолкнул свой бронетранспортер ко мне и радостно завопил:

– Ну вот и дождалась ты, Аннушка, своего праздника! Знакомься, это моя птичка, мой воробушек с ангельским именем Анжела.

Я слегка обалдела. Анжела! Этому воробушку скорее подошло бы имя, скажем, Афиноген, уж очень могучего птенчика отловил в этот раз Рискин. Едва сдерживая рвущийся из меня смех, я лихорадочно порылась в запасниках разнообразных выражений лица, выбирая соответствующее моменту. Наспех выхватила первое попавшееся и натянула на физиономию. Мда, поторопилась. Мельком взглянув на себя в зеркало, обнаружила там слегка взъерошенную дамочку, готовую скончаться от невыразимого восторга и благоговения. Перебор. Но отступить было поздно, поскольку в прихожую вплыл крейсер «Анжела».

– Здрасьти, – непринужденно прогудел крейсер.

– Добрый вечер, очень приятно, – начала было пляску вежливости я, но тут меня чуть не сшиб с ног аромат, издаваемый Илюхиным бутончиком.

Нет, нет, не подумайте, она не пахла собой. Она пахла духами, правда, из-за повышенной концентрации сложно было угадать, какими. Господа военные ученые, колдующие в своих лабораториях над изобретением новейших видов оружия массового поражения, не изобретайте велосипед! Все уже создано специалистами другой области, парфюмерами. Правда, они не ожидали такого побочного эффекта, но факт есть факт – Анжела могла запросто уложить роту противника, просто пройдясь перед ними.

– Э-э, Анжелочка, сочувствую, вы, вероятно, случайно разбили пузырек с любимыми духами? – стараясь дышать ртом, просипела я.

– Да нет, что вы. Это я просто для встречи с вами надзьмухалась, – радостно сообщила нежная козочка, резво поскакав в сторону кухни.

От ее легкой поступи зеркало в прихожей затряслось и попыталось спрыгнуть с крючка, на котором висело. Но стоявший рядом Илюха поймал трусливое создание и водворил на место, горделиво поглядывая на меня. Да, умом Илюху не понять, аршином общим не измерить.

– Рискин, у тебя что, насморк? – ноги сами внесли меня в комнату и, роняя тапки, ломанулись к окну, которое я и распахнула настежь, пытаясь хоть чуть-чуть уменьшить убойную силу Анжелиных духов.

– Да ладно тебе придирааться, ну перестаралась чуток Анжелка, так она ж хотела как лучше, хотела тебе понравиться, – Илюха развалился в кресле, даже не пытаясь помочь своему воробушку, который всю осваивался на моей кухне, периодически что-то с грохотом роняя.

– Анна, а где у вас посуда лежит? – протрубил птенчик с кухни.

– В шкафчике над мойкой.

– А ты что, хозяйка, гостье помочь накрыть на стол не собираешься? – слегка изумился Илюха.

– Знаешь, родной, у меня, возможно, слишком развито обоняние, но находиться в моей крохотной кухоньке рядом с твоей феминой? Нет уж, извини. Хочешь, сам иди и помогай, ты же мне должен праздник жизни устраивать в конце концов, а не я тебе. Сам вызвался! – я не двинулась с места.

– Злая ты, неблагодарная, – горестно вздохнул Рискин и поплелся на кухню, где воробушек звенел посудой и издавал монотонное гудение, в котором с трудом, но можно было узнать нетленку Кати Лель «Муси-пуси».

– Эй, Илюха, учти, что питаться будем здесь, в комнате, поэтому тащите все сюда, в том числе и стол, – предательски выстрелила я гостю в спину.

Рискин посмотрел на меня взглядом мученика и страстотерпца, безнадежно махнул рукой и ушел на кухню.

Через полчаса в моей единственной комнате появилось новое украшение – стол, щедро уставленный разнообразными закусками. Надо отдать ангелочку должное, она с блеском справилась с возложенной на нее задачей. Стандартную закуску по-быстрому: курицу гриль, нарезки ветчины и колбасы, шпроты, салаты, зелень, огурчики с помидорчиками Анжела умудрилась превратить в чудо кулинарного искусства. Все было изумительно красиво разложено, салатки из баночек перекочевали в вазочки и кокетливо украсились зеленью, россыпь затейливых бутербродиков вызвала обильное слюноотделение, курица красиво разделана (у меня так никогда не получается, вечно какие-то неопрятные куски в лохмотьях выходят) и обложена исходящей паром картошечкой. Венчала все это великолепие принесенная Илюхой бутылка вина.

– Феноменально! – выдохнула я. – Анжела, вы – волшебница.

– Да чего там, – кокетливо махнул лапкой воробушек, – я ж в кафе поваром работаю, у нас часто банкеты всякие устраивают, вот я и наловчилась, ничего тут хитрого нет.

– Нет, нет, не скромничайте, – увлеклась пением дифирамбов я, но тут Илюхе осточертело наблюдать за нашими реверансами, и он рявкнул:

– А ну, геть к столу, хватит приседать!

– Хам, – не осталась в долгу я и бодро побежала к столу.

Разумеется, вскоре обнаружилось, что одна бутылка вина – это просто насмешка, особенно если учитывать габариты птенца. Уговорили последнюю из моих запасов – им опять оказалось мало. Лично мне было уже вполне достаточно, но Илюха уперся – мало! И погнал за добавкой Анжелу, аргументируя тем, что она трезвее его. Не посылать же хозяйку дома,

тем более что он по горькому опыту знает, что хозяйка сама может так послать! Воробушек полетел беспрекословно.

Пока Илюхиной дамы не было, мы с Рискиным какое-то время попустозвонили, а потом я спросила, знает ли он Жанну Карманову.

– Знаю. Редкая гнида, – неожиданно резко ответил Илья. Обычно он о женщинах так не отзывался.

– Ты чего, Илюха, белены объелся? – удивилась я. – Почему вдруг такая агрессия к светской даме?

– А тебе зачем эта Карманова понадобилась? – вопросом на вопрос ответил Рискин.

– Да так. Это ведь моя одноклассница, правда, я знала ее как Евсееву и не видела с выпускного, а тут недавно встретились, поболтали.

– Знаешь, подруга, держись от нее подальше, – мрачно сказал Илюха, – целее будешь.

– Да ладно тебе. Нормальная баба, веселая. Не знаю, какие там у вас терки вышли, а мне с ней делить нечего. Вот пообщаться приятно, школу вспомнить. – Я не восприняла слова полупьяного Рискина всерьез. У него бывает такое, когда выпьет – все плохо, все гады, не жизнь – тоска.

– Как хочешь, не веришь – не надо. Но о ее муже в городе разное говорят. Вроде даже он на бомжах новые лекарства испытывает, у него где-то в лесу целый закрытый исследовательский комплекс есть.

– Знаешь, Илюха, очень уж похоже на обычные сплетни завистников, насмотревшихся всяких там «Секретных материалов», – скептически ответила я. – Это же надо придумать – закрытый центр, бомжи. Бред! Да и, в конце-то концов, даже если и есть в этом доля правды, Жанка-то при чем? Она в своем магазине вошкается, Карманов, как мне говорили, ее в свои дела не посвящает.

– Ну-ну, как хочешь. А давай-ка я тебе одну историйку расскажу про твою Жанночку, тогда, может, перестанешь тупо упираться, – и Илюха приготовился поведать мне страшную рассказку про Жанку Крюгера с улицы Вязов, но тут вернулась Анжела с божественным нектаром, при виде которого Рискин забыл обо всем и с радостным гиканьем убежал на кухню откупоривать сосуды с блаженством.

– Знаешь, Илюшенька, я, когда возвращалась, от твоей машины каких-то бомжар шуганула, – прощелбетал птенчик, игриво потягиваясь, отчего арбузные груди воздушного создания едва не прорвали тонкую ткань блузки.

– Они хоть живы остались, нежная моя? – вышедший из кухни Илюха засмотрелся на свое счастье, предвкушая изысканнейшие утехы.

– А че им сделается, по уху получили и убежали, – гордо ответила Анжела.

– Стоп, стоп, друзья, минуточку. Я не поняла, ты что, Рискин, на машине приперся? – удивилась я. – Ты что, с ума сошел? Ты же нажрался, куда тебе за руль?

– Подумаешь, да я в любом состоянии доеду! – пыжился Илюха.

– Да-да, конечно, доедешь, только на такси, – согласилась я.

Праздник жизни покатился дальше по накатанной и завершился ожидаемо – полностью отрубившегося Илюху его птенчик легко вскинул на хрупкое плечико и понес к вызванному мною такси. Илюхина «Мазда» осталась ждать своего хозяина у моего подъезда.

Из загула Рискин вынырнул через два дня. Пришел ко мне опухший, но веселый. Я потащила его на кухню пить кофе и стала изводить вопросами о Жанке, уж очень заинтриговал меня Илюха на нашем празднике жизни своим карканьем по поводу Кармановых. Но этот гад лишь шумно хлебал кофе, вытягивая губы трубочкой и отфыркиваясь. При этом делал вид, что меня не слышит абсолютно.

Тогда я встала, сходила в комнату, принесла оттуда большое банное полотенце, вытащила из кухонного шкафчика огромную литровую подарочную чашку с не менее гигантским блюд-

цем, выкопала в закромах завалившуюся коробку с сахаром-рафинадом. Затем налила в чашку весь сваренный кофе, высыпала в тарелочку рафинад и подала с поясным поклоном все это Рискину:

– Не побрезгуйте, благодетель вы наш, откушайте кофеечку, да с полотенчиком, чтобы было чем личико ваше светлое вытирать, когда взопреете. Только не отказывайте мне, убогой, во внимании, посвятите девицу красную в тайны ваши страшные про Бабу-ягу Жанну Карманову.

– Кончай дуричь, красная девица, – заржал Илюха, – мало ли что я по пьяни болтаю, всего не упомнишь. Но с Кармановой ты все-таки поосторожнее, гадкая она.

– Ну вот опять, здрастье-приехали, – возмутилась я, – почему гадкая, что, трудно объяснить, что ты мне голову морочишь!

– Ладно, уговорила, – смирился Рискин, – сейчас убегаю, спешу очень, а вечером перезвоню тебе и все расскажу, что знаю. А ты кончай развлекаться, садись лучше тексты пиши.

– Да хватает их у меня на три альбома, не меньше, – отмахнулась я.

– Еще напиши, запас беды не чинит, – важно изрек Илюха и встал. – Ну, я пошел. Пока, до вечера!

«Скажите пожалуйста, запас беды не чинит! Это что, картошка ему, да?» – мысленно бухтела я, закрывая за Илюхой дверь. Потом я подошла к окошку посмотреть, как этот Шумахер будет выруливать из нашего тесного дворика. Рискин ведь не признает медленной и аккуратной езды, обожает носиться, как безумный. Нет, ничего, вырулил, никого не задавил. Мигнув на прощание стопами, машина скрылась за углом.

Вечером позвонила Жанка, сообщила, что приступить к плотной работе мы сможем с понедельника, 23 июня, ее благоверный ускачет с эскадромом. Илюха так и не позвонил, вот поросенок! Правда, он никогда не был принципиально верен своему слову, поэтому я не очень и ждала его звонка. Да и не сказать, чтобы я большая охотница до сплетен, а что еще мог поведать Рискин!

Весь следующий день я провозилась со всякими нудными домашними делами, накопившимися за время пыхтения над статьей: уборка, стирка, оплата счетов и т. д. Оставалось еще заехать в редакцию за гонораром, но это я отложила на следующий день, а вечер посвятила большущему письму Лешке, которое тут же отправила по электронной почте.

Утром, свежая (что в принципе само по себе необычно) и в хорошем настроении (это утром-то!), я впорхнула в здание, где размещались редакции нескольких газет. И первое, что я увидела в вестибюле, был огромный портрет улыбающегося Илюхи Рискина, перетянутый черной лентой. Ничего не соображая, я пыталась прочесть текст под портретом, слова никак не удавалось сложить в предложения: «Трагически погиб, авария, скорбим»... Что это? Что за бред? Кто погиб, Илюха? Все расплывалось перед глазами, я присела на какой-то стул. Мимо пробежал парень из редакции Ильи. Я схватила его за руку.

– Сергей, постой! Что это за ерунда такая? – я показала на портрет Илюхи.

– Ты что, ничего не знаешь? – удивился Сергей. – Илюха разбился на машине.

– Господи, когда?!

– Позавчера, утром.

– Он же у меня был утром, забирал эту свою чертову машину, – все еще не хотела верить я.

– Ну вот, а потом, когда ехал по кольцевой, на полном ходу врезался в бетонное ограждение. Кто-то там его подрезал, есть свидетели, и умчался, а Илюху развернуло – и в бетон. Говорят, тормоза отказали. А Илюха ведь гнал под 120, не меньше. В общем, погиб на месте. Похороны завтра, здесь прощаться будем. Придешь?

– Да, конечно, – прошептала я. – Приду.

Глава 6

Я и не предполагала, как много места в моей жизни занимал Илюха. Шумный, нагловатый, язвительный, сибарит и эпикуреец, Рискин был неотъемлемой частью моего мира. И когда эта часть вдруг исчезла, образовалась огромная дыра, из-за которой вся конструкция стала очень неустойчивой.

Последние дни я только и делаю, что реву. У меня распух нос от бесконечных вытираний, покраснели глаза, и в целом я похожа на больного насморком муравьеда. Вчера ко мне неожиданно пришла Анжела. Я открыла дверь и увидела живую иллюстрацию к стихотворению Агнии Барто «Зайку бросила хозяйка». И пусть эта зайка весила не меньше центнера, но выглядела она таким несчастным, вымокшим до нитки и никому не нужным зверьком, что я не выдержала и разревелась снова. А ведь буквально за полчаса до прихода Анжелы я с трудом успокоилась, и то благодаря Лешке. Он звонил теперь несколько раз в день, и я подседала на его звонки, как на наркотик. Наверное, без них я не смогу уже.

В общем, увидев мои слезы, птенчик заголосил еще громче, и, боясь, что соседи примут этот вой за сирену МЧС, я втащила ее в квартиру. Там уж мы наплакались от души, а потом успокаивались при помощи старинного народного средства – напились в зюю.

Утром я проснулась от звуков работающего бульдозера. Я никак не могла открыть глаза, пыталась натянуть подушку на голову, стараясь заглушить звук, но звук проникал во все щели. Вот же гады, что они там надумали копать в нашем двореке, трубу прорвало, что ли? И почему нужно обязательно начинать работу в такую рань? Я долго ворочалась в постели, ругаясь гадко и нецензурно. Бульдозер ревел. Наконец, не выдержав неравную борьбу, я села на кровати. И неожиданно обнаружилось, что рев идет не с улицы, а почему-то с пола. Я долго тупо смотрела на бесформенную грудку постельного белья, которая и являлась эпицентром звука. Инопланетяне, что ли, радиобуй подбросили? Но тут из кучи высунулась миниатюрная ножка размера эдак 43. Фу ты, черт, это же птенчик у меня ночевать остался, потому что уж очень мы вчера взгрустнули. А упитая Анжела могла призвести в нашем городе такие разрушения, что Годзилла утопился бы от зависти. И это не бульдозер ревет, это воробушек похрапывает.

Пока я пыталась вспомнить, что такое координация движений и как применять ее на практике, рычанье прекратилось. Грудка простыней зашевелилась, послышался страдальческий стон, и на свет божий явился воробушек.

– Доброе утро, – продудела моя собутыльница.

– Ага, – промычала я. Ба, да я сегодня просто спикер палаты лордов, так и сыплю цветистыми речевыми оборотами!

Взглянув на то, что было когда-то лицом Анжелы, я обреченно взмахнула рукой. У меня, разумеется, не лучше. Я собрала то, что от меня осталось, в кучку, сложила эту кучку в мешок и поволокла все найденное в ванную. Отмокать.

Когда через полчаса я вышла оттуда, то уже могла самостоятельно передвигаться, ориентироваться в пространстве и даже произносить простые фразы типа «дай», «хочу», «...». Вот ведь умничка, правда?

Оказалось, что постель уже убрана, следы вчерашнего безобразия ликвидированы, посуда вымыта, а на столе источают волшебный аромат две чашечки крепчайшего кофе.

– Нет, Анжелка, ты все-таки волшебница, я была права тогда, – восхитилась я, – а Илюха ерунду говорил...

У Анжелы задрожали губы.

– Ой, прости, – спохватилась я, – ну никак не могу привыкнуть, что его уже нет. Ведь недавно мы тут так славно сидели, – я уже готова была опять разнюниться.

– Да ничего, я тоже не могу поверить. Но придется, – вздохнул птенчик, и мы молча допили кофе, оказавший на меня самое благотворное действие.

Воробушек вскоре собрался и упорхнул, ей пора было на работу. Хорошая она все-таки баба, была бы Илюхе славной женой, если бы он вообще когда-нибудь захотел остепениться. Но не случилось.

Я съездила в редакцию, получила наконец причитающиеся мне деньги, зашла в магазин и купила бутылочку моего любимого «Бейлиса». Завтра ведь уже 21 июня, у моего Таньского заканчивается отпуск, и она должна вернуться из Турции. Загорела, небось, накупалась, хоть развеселит меня немного своими рассказами о южных приключениях в стране знойных мужчин. Скорей бы приехала!

Не успела я открыть дверь своей квартиры, как вдруг резко заорал телефон. От неожиданности я подпрыгнула, пакет выпал из рук и хряпнулся о порог квартиры. Ну не дай бог разбилась дорогушая бутылка ликера! Убью звонившего, кем бы он ни был! Не обращая внимания на вопящий телефон, я подняла пакет. Ф-у-ф, все в порядке, не разбилась. Теперь можно и к телефону подойти.

– Алло, слушаю.

– Привет, Нюша, как дела? – услышала я Жанкин голос. – Ты уже готова, вещи там, бумаги – все собрала?

– В смысле? – не въехала я.

– Что значит – в смысле? – возмутилась Жанка. – Ты что, уже в старческом маразме? Рановато, Нюся, рановато. Напоминаю, что сегодня пятница, 20 июня, а в понедельник за тобой придет машина, чтобы увезти тебя на пять дней ко мне. Вспомнила?

– А, ты об этом. Знаешь, Жанка, давай перенесем. Не могу я сейчас, никак не могу.

– Это с какого перепугу? – опешила Жанка. – Мы же договорились!

– Знаешь, на днях погиб Илюха Рискин, мой хороший друг. Я до сих пор в себя прийти не могу, какая там работа! Давай через пару месяцев, когда я вернусь из Москвы, хорошо?

– Сочувствую, Аннушка, – впервые назвала меня пристойно Жанка, – но тогда тем более ты должна ко мне приехать.

– Почему тем более? – не поняла я.

– Потому что совсем незачем тебе киснуть одной, до июля десять дней еще, будешь сидеть, хандрить.

– Ну зачем одной. Завтра Таньский возвращается с юга, попрошу ее пожить у меня, – бодрилась я.

– Предположим. Но ведь она выйдет на работу, и будете вы общаться только по вечерам, а целый день будешь все равно одна выть на луну. А я всю неделю буду дома, сама ведь себе хозяйка. У меня есть сауна, бассейн, тренажерный зал, готовить тебе не надо – побудешь у меня, как на курорте, даже позагораем у бассейна, если дождя не будет.

– Думаешь? – дрогнула я. А ведь соблазнительно, черт возьми. Хотелось бы появиться в Москве не опухшей от слез и растолстевшей от поедания плюшек на нервной почве индюшкой, а отдохнувшей, загорелой и постройневшей бентамской курочкой. – Ладно, договорились. Только учти, интенсивной работы над материалом не обещаю, еду к тебе отдыхать. Но диктофон возьму, не волнуйся.

– Отлично! – обрадовалась Жанка. – А кстати, наш уговор помнишь?

– Какой?

– Ну насчет сохранения тайны?

– А, да, конечно, помню.

– И как?

– Разумеется, выполнила, – честно ответила я (Лешка не в счет), – да и не до того мне было, сама понимаешь, когда тут такая беда случилась, – и я опять захлюпала носом.

– Эй, эй, Нюсик, хватит. Давай-ка лучше готовься, собирайся. И удержись эти два дня, не проболтайся своей Татьяне, ладно?

– Ладно, постараюсь, – буркнула я.

Жанна прощепетала еще что-то успокоительное и отсоединилась. И чего на нее Илюха бочки катил, нормальная ведь баба, вон сколько мы с ней не виделись, и нате вам – заботится, в гости зовет. Но тайну свою бедный Илюха унес с собой.

Оставшиеся два дня пролетели незаметно, заполненные дегустацией привезенных Таньчиком турецких вин, рассматриванием ярких фотографий и захватывающими живописаниями отпускных приключений. Загорелый Таньский с сияющими глазами, азартно жестикулируя, пыталась изобразить в моей тесной халупке рафтинг – спуск по горной речке. Утомилась, только разбив пару фарфоровых безделушек.

– Здорово, видно, было, вижу, – радовалась за подругу я, – а как там знойные турецкие мужчины?

– В штабелях, – деловито ответила Таньча.

– Это понятно, а высота штабелей?

– Достаточная. Зато я знаю теперь, как по-турецки будет слово «красавица», – гордо сказала подруга.

– Ну и как?

– Гюзелим! Уж наслушалась я, – скромничала Таньский, – волей-неволей запомнишь.

– Ну все, теперь с турками можешь общаться на их родном языке.

– Само собой, я еще много слов знаю: стакан по-турецки бардак, кровать – галстук, остановка – дурак, – зачастила полиглотка.

– О-бал-деть! – восхитилась я. – А дальше?

– А все.

– И действительно, зачем больше? – согласилась я. – Основные для общения с мужчинами термины ты выучила. В общем, по бардаку – и в галстук, правильно?

Бамс! В меня врезался брошенный Таньским плюшевый мишка.

– Ах, ты мишками драться? – завопила я и бросилась в атаку, дубася Таньского плюшевой же змеей. Поскольку мягких игрушек у меня с избытком, битва разгорелась нешуточная.

Минут через пятнадцать, нахохотавшись и запыхавшись, мы рухнули в кресла.

– Уф, все-таки здорово, что ты вернулась, – просопела я, – жаль, что мне надо будет в понедельник смотаться тут в одно местечко дней на пять.

– Что, еще не все беды общества нанизала на свое перо, акулка? – ехидно поинтересовалась Таньский.

– Нет, на этот раз заказуха, одна бизнес-дама жаждет увидеть себя на страницах журнала покруче. Платит хорошо, почему бы не написать?

– А кто это, я ее знаю?

– Ну-у-у... – я загадочно замолчала.

– Хорошо, можешь не говорить, потом сюрприз будет, – голосом Винокура прошепелявила Таньча.

Мы дружно засмеялись и пошли допивать жалкие остатки турецкого вина.

Да уж, сюрприз будет!

Глава 7

К вечеру понедельника я уже пребывала в полной боевой готовности. Или в трудовой? А, какая разница. Правда, из орудий производства я захватила только диктофон, ручку и блокнот. Да ведь, собственно, больше ничего и не надо. Еще я упаковала свой ноутбук, но, если честно, он мне нужен был вовсе не для работы, а для переписки с Лешкой. Словно в ответ на мои мысли запиликал знакомую мелодию мобильный. Нет, он точно телепат!

– Привет, звездочка! – пропела я в трубку.

– Ну, спасибо, – раздалось Лешкино мурлыканье, – вот ты меня уже и скотиной обозвала.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовалась я, – давай быстренько выкладывай ассоциативную цепочку, приведшую тебя к такому выводу.

– А тут и напрягаться не надо. Засветила, как оглоблей, со всей дури, – с жуткой обидой в голосе продолжал этот кривляка, – вот так вот сразу, в лоб – Звездочка. А Звездочка – любимое имя у хозяев для их коров. А корова кто? Правильно, скотина.

– Я потрясена!

– Правда? Ну, то-то, – загордился Лешка, – кстати, а извиниться?

– А полы тебе помыть?

– Ну, если ты так хочешь, то пожалуйста, приедешь в Москву – тебя будут ждать ведро и тряпка.

– А кто будет ведром? – тут же заинтересовалась я.

– Нет, это просто невыносимо, – расстроился Лешка, – за каких-то пять минут меня унизили и растоптали окончательно, сначала скотиной обозвали, потом тряпкой. Гадкая ты, невоспитанная.

– Да, это обо мне, не буду скромничать. Терпи, Лешик, я тебя сейчас на пять дней вперед напинаю, поскольку с завтрашнего дня мы будем вести исключительно официальные беседы, и не забудь – мы с тобой на «вы».

– С чего вдруг? – не въехал сразу Лешка. – А, точно, ты же сегодня к своей фифе перебираешься. Значит, уходим в подполье? Слушай, нам же необходимы позывные. Скажем, «Алекс» и «Юстас». Нет, это я уже где-то слышал. О, придумал! Ты – «ромашка», я – «шалфей», такие будем лекарственные и жутко полезные.

– Нет, тебе больше подходит не «шалфей», а «репей».

– Сострила, да? Напряглась из последних сил, бедняжка, – жалостливо протянул Лешка.

– Рады стараться, ваше превосходительство! – гаркнула я.

– Ну ладно, Степаненко, мне пора, – перестал развлекаться Лешка. – Знаешь, я буду очень скучать по тебе все эти пять дней.

– Но мы же все равно будем созваниваться.

– Ты прекрасно поняла, что я имею в виду. Созваниваться со мной будет не привычный мне вредный хомяк, а сушеная селедка, противная авторша, которую я буду звать исключительно на «вы» и Анна.

– Ах, так! А я буду разговаривать с капризной и несносной, тупой и упертой суперзвездой, и звать эту гадость я буду «господин Майоров», а в виде особого расположения – Алексей Викторович, вот! – я даже показала язык от азарта.

– Языки показываем! – немедленно отреагировал Лешка. Нет, но как он догадался? – Детство, да и только. Ну все, договорились. Прощай, кактус.

– Лешка, не говори так. Прощай – это навсегда. А на пять дней – пока, я буду скучать.

– Ну прости, я исправлюсь. Пока, кактус, я буду скучать.

Я смотрела на пищущую короткими сигналами трубку и готова была разреветься. И что это со мной последнее время, глаза вечно на мокром месте. Наверное, из-за смерти Илюхи совсем расклеилась. Ну ничего, у Жанки отдохну, подлечу нервишки.

Жанкин водитель был точен. Ровно в шесть вечера у подъезда засигналила машина. Я подхватила свои клунки, спустилась вниз и погрузилась в поданный экипаж.

И вот я снова в Жанкином палаццо. Поскольку день выдался жарким, вечер тоже не обжигал холодом. Жанка встретила меня в легких шортиках и полупрозрачной маечке, причем невооруженным глазом было видно, что под маечкой, кроме Жанночки, ничего нет.

– Везет тебе, Жанка, – раззавидовалась я, – такую фигуру сохранила, с ума сойти! А ведь когда-то и я могла смело носить шорты.

– Почему когда-то? – удивилась Жанка. – А сейчас что тебе мешает?

– Ты очень воспитанная женщина, спасибо тебе, – расстрогалась я, – но где ты видела антилопу гну в шортах?

– Да ладно тебе, – рассмеялась Жанка, – иди лучше, располагайся в своей комнате, Ксюша тебя проводит. Освоишься – спускайся вниз, ужин в восемь.

– Ужин при свечах? – осведомилась я. – Фамильные бриллианты надевать?

– А что, есть? – как-то странно взглянула на меня Жанна.

– Разумеется. Подвески, кольцо, диадема, пар десять сережек, браслеты всякие, – зачестила я.

– А, понятно. Ну, если только диадему, – хохотнула Жанка.

Молчаливая Ксюша проводила меня в отведенную мне комнату. Она же тащила вещи, никак не реагируя на мои попытки понести хоть что-нибудь. Жанкина гостевая, ставшая на это время моим пристанищем, разила наповал. Больше всего она напоминала материализовавшуюся иллюстрацию какого-нибудь навороченного журнала по дизайну. Продумано все было до мелочей и очень удобно. Даже своя ванная комната имелась, и преогромная.

Развесив свои немудреные пожитки, которые очень сиротливо смотрелись в роскошном шкафу, я отправилась исследовать ванную и ее содержимое. А всяких флакончиков, баночек, тюбиков там было несметное множество. Вылив в здоровенную лоханку, именуемую джакузи, понемногу из разных флаконов с пенами для ванн, я с опаской включила воду. Прожила я на свете уже... лет, но впервые лично удостоилась омовения в этом непременно атрибуте так называемого евроремонта. А ничего так, приятно.

Я нежилась, казалось, всего 5 минут, но когда случайно взглянула на часы, которые положила рядом, на циферблате было уже без десяти восемь. Ах ты, черт, неудобно опаздывать в первый же вечер к ужину, вдруг Жанка подвинута на пунктуальности, кто ж ее знает.

Пришлось развить первую космическую скорость, но вниз я спустилась вовремя. Ерунда, что волосы влажные, зато успела.

Хозяйка дома уже ждала меня в гостиной.

– Ну как, освоилась? – полюбопытствовала она. – Вижу, розовенькая, посвежевшая. Ну вот и отлично, пошли перекусим.

– Только умоляю, не как в прошлый раз, – застонала я, – удержаться я не смогу, а последствия будут ужасны.

– Не переживай, будет лишь легкая еда, – успокоила меня Жанка.

Уже сидя за столом и наслаждаясь очередной вкуснятиной, я поинтересовалась:

– Жанка, скажи, неужели у тебя со всем – уборкой, готовкой, стиркой – справляется одна Ксюша? Я ведь, кроме нее, никого больше здесь не видела. Водитель не в счет.

– Нет, конечно, – ответила Жанка, – Ксюша – горничная, а есть еще кухарка Марина и садовник Павел, просто они сюда не заходят, им запрещено таскаться по дому.

– А как же ты с ними общаешься?

– Посылаю за ними Ксюшу, если мне надо отдать необходимые распоряжения.

– Понятно, – решила не вдаваться в подробности я.

После ужина мы недолго поболтали о наших одноклассниках, а потом разошлись. Жанка отправилась еще поплавать в бассейне, а я поднялась к себе.

Спать не хотелось, и я решила написать письмо Лешке. Но мой раньше абсолютно безотказный ноутбук в этот раз почему-то заартачился. Он тренькал, обвешивался окнами и категорически не желал со мной общаться. Вот ведь гадство какое, придется завтра воспользоваться компьютером, который стоит в моей комнате. Надо будет у Жанки разрешения спросить.

Разумеется, Жанка разрешила. Вот только ничего я не отправила, потому что вспомнила, что мы с Лешкой теперь «ромашка» и «шалфей», поэтому никаких личных писем с чужого компьютера. Я ведь, если честно, не очень разбираюсь в этой технике, поэтому не могу быть уверенной в том, что мое письмо не попадет в чужие руки. Поэтому я и решила потерпеть, всего-то пять дней, подумаешь!

Следующие пару дней я наслаждалась полным и абсолютным бездельем, поскольку Жанка носилась по каким-то своим делам, куда-то ездила, с кем-то договаривалась. Она, конечно, без конца извинялась, что не может уделить мне достаточно внимания, но я, если честно, была только рада. Погода стояла жаркая, и я с удовольствием нежилась у бассейна, даже успела загореть.

За эти два дня я познакомилась наконец-то с остальными обитателями дома. Хотя «познакомилась» – не совсем верно. Скорее, увидела и Павла, и Марину, поскольку вели они себя довольно странно, да и выглядели тоже. Павел, высокий и очень привлекательный брюнет, меньше всего был похож на садовника. Уж очень длинные пальцы и узкие ладони, тонкие и аристократичные черты лица, не обезображенные даже коричневым полевым загаром и вечной неопрятной щетиной. Да и ухаживал за цветами он как-то неумело, хотя я не специалист, может, он все делал, как надо. Павел практически ни с кем не общался и большую часть времени проводил в сторожке. О Марине, кухарке, я могу сказать только то, что она великолепно готовит, и больше, пожалуй, ничего. Обычная женщина средних лет, только в глубине глаз прячется странное выражение, словно она все время мучительно пытается что-то вспомнить. Она практически не выходит из кухни, а живет в маленькой комнатухе рядом со своим местом работы. И она, и горничная Ксюша так же неразговорчивы и малообщительны, как и Павел. Ну ладно, я посторонняя, да еще гостья хозяйки, может, со мной они стесняются говорить, но ведь они практически не общаются и друг с другом. Казалось бы, постоянно живут рядом, работают на одну хозяйку – уже одно это должно объединить их, создать хотя бы видимость дружбы, так нет же! Общаются исключительно по мере необходимости, а потом расползаются по своим норам, даже в город не ездят. Все необходимое привозит водитель. Странная компания, ну да ладно, мне-то что.

В четверг, за завтраком, запиликал знакомую мелодию мобильный. Жанка вздрогнула и с любопытством на меня посмотрела. Мысленно шипя на Лешку за столь неподходящий выбор времени для звонка, я ответила:

– Да, слушаю.

– Здравствуйте, Анна, – раздался безукоризненно вежливый голос Лешки. Жанка превратилась в одно большое ухо, благо слышимость у моего аппарата великолепная.

– Доброе утро, Алексей Викторович, – постаралась соответствовать я.

– Ну как, ваши планы не изменились?

– Планы в отношении чего? – как бы не поняла я.

– В отношении нашей совместной работы над альбомом в июле – августе, не в отношении же сбора лекарственных трав – всяких там ромашки и шалфея, – резвился этот хитрован.

– Ну что вы, Алексей Викторович, – с трудом сдержала улыбку я, – разумеется, все остается в силе.

– Тогда я позвоню вам в первых числах июля, и мы обговорим конкретику.

– Буду ждать с нетерпением. Да, чуть не забыла. У меня сломался ноутбук, поэтому я пока без адреса.

– Я понял. Ничего страшного, лечите свой компьютер спокойно, я подожду. Всего доброго.

– И вам не болеть, – не удержалась я и быстренько отключилась.

Жанка смотрела на меня почти с восторгом.

– Это что, Майоров был?

– Да, – скромно ответила я, делая вид, что полностью поглощена намазыванием джема на тост.

– И вы вот так просто с ним общаетесь?! – аж привизгивала Жанка.

– А что тут такого, нормальное деловое общение.

– Кстати, о деловом общении. Сегодня после обеда начнем помаленьку работу.

– Диктофон брать?

– Нет, пока не надо. Побеседуем разминочно, можешь взять блокнот, набросаем план.

Хорошо?

– Да, конечно, без проблем.

И мы продолжили наш завтрак.

Глава 8

До обеда я вдоволь наплавалась в бассейне, ведь кто ее знает, эту Жанку, с ее навязчивой идеей прославиться через прессу, может, теперь придется часами выслушивать ее монологи.

Поднявшись к себе в комнату, я оглядела себя в зеркале даже с некоторым удовольствием (что случается со мной довольно редко). Все-таки загар мне очень идет, ничего не скажешь. Так, что бы надеть такого, хочется ведь подчеркнуть свой новый цвет кожи. Ага, вот этот ярко-желтый сарафан. Он мне безумно нравится, но когда я пребываю в своем обычном цвете, при котором кожа имеет пикантный оттенок лягушачьего брюха, в этом наряде я выгляжу отвратительно. Но сейчас – супер! Осталось выбрать бижутерию, поскольку теперь к совместной трапезе с Жанкой я всегда тщательно готовилась. Конечно, пытаться сравниться с этой ухоженной красоткой – дело дохлое, но не выглядеть же совсем уж лохушкой.

Копаясь в шкатулке с побрякушками, я наткнулась на красивую коробочку. Надо же, а я совсем забыла про нее. Это был подарок Илюхи Рискина на мой день рождения, имевший место четыре месяца назад. Перед глазами ожила картинка – вот Илюха с таинственным видом протягивает мне эту коробочку, всенепременнейше разукрашенную бантиками. Я открываю ее и... Честно говоря, ничего не поняла. Внутри лежал самый обыкновенный пластмассовый браслет – широкий, желтый, с крупными черными горошинами. Не спорю, такие чепуховинки опять в моде, но преподносить это с такой помпой!

– Спасибо, очень красивый, – кисло улыбнулась я.

– Ну что поскучнела, воспитанная ты моя, – ухмыльнулся Рискин, – давай начинай обижаться на меня за мою жадность.

– Зачем же? Дорог не подарок, дорого внимание, – изрекла я мудрую мысль.

– Ладно, не грусти, – не выдержал Илюха, – это не просто браслет, это штучка из арсенала Джеймса Бонда.

– В смысле?

– В прямом. Поскольку ты у нас кто? Правильно, журналюга.

– Не груби, – возмутилась я.

– Хорошо, пусть будет борзописец. А что у тебя есть из арсенала этих самых борзописцев?

– Все, что нужно, – диктофон, блокнот, ручка, ноутбук.

– Ха, ха, ха, – прокричал Илюха, – диктофон у нее! Кирпич это неподъемный, а не диктофон, куда его спрячешь?

– Ну, во-первых, не кирпич вовсе, а во-вторых, зачем его прятать?

– Нет, я когда-нибудь повешусь от ее простоты! – заламывал руки этот кривляка. – Ну неужели у тебя никогда не было желания записать разговор тайно?

– Не было, а зачем? – не реагируя на Илюхины провокации, спокойно ответила я. – Я ведь не криминальный репортер, секретничать мне ни к чему. Только я не пойму, к чему ты все это ведешь?

– Да к тому, чурка ты сосновая, что это не простой браслет, а диктофон, – важно изрек Рискин.

– Ты серьезно? – ошарашенно уставилась я на свой подарок. – Никогда бы не подумала!

– Вот именно! И никто не подумает! – гордился Илюха. – Если не знать секрета, ни за что не догадаешься, что и как. Вот, смотри, как он работает. Видишь, он достаточно узкий, просто так на руку не наденешь. Но и не потеряешь никогда! – увлекся сам Рискин. – Значит, чтобы надеть эту штуку, жми вот на эту горошину. – Браслет щелкнул и открылся. Илюха нацепил мне его на руку.

– А на какую именно, они же все одинаковые? – не поняла я.

– Вот и не все. Присмотрись, на черных горошинах нанесен едва заметный узор – паутинка, на каждой – свой. Запомни, какой узор что обозначает, вот и вся премудрость. Я тебе инструкцию оставлю, не переживай. Так вот. Надела браслет, нажала другую горошину – он защелкнулся. Все, теперь не потеряется. Остальные отвечают: одна – за включение диктофона, в другой – собственно само устройство, рассчитанное на полтора часа записи, под третьей – батарейка. В общем, все как обычно.

– Ну, Илюха, ты меня сразил! – не скрывала восторга я. – Где же ты выкопал это чудо?

– Места знать надо, – важничал Рискин.

– А кстати, как прослушивать запись?

– Четвертая горошина, – лаконично ответил Илюха.

– Что, он еще и звучит?! – окончательно обалдела я.

– А то! Фирма веников не вяжет! – Рискин радовался, как ребенок.

Господи, Илюха, как же ты так? В носу защипало, на глаза навернулись слезы. Все, хватит хлюпать, лучше надену-ка я Илюхин подарок, повеселимся вместе, верно, Рискин? То-то Жанка потом удивится. Она же говорила диктофон не брать, я и не возьму. А потом, после ужина, я ей сюрприз и преподнесу. Не все же ей меня удивлять.

На обед я спустилась в превосходном настроении.

– Прекрасно выглядишь, – оценила мои старания Жанка.

– Спасибо.

– А где блокнот?

– Ой, забыла! – я так увлеклась идеей с браслетом, что ни о чем другом уже и не думала.

– Ладно, в кабинете есть бумага, если понадобится, возьмем там, – не стала особо расстраиваться Жанка, и мы пошли в столовую.

После обеда, который, как всегда, был выше всяких похвал, мы перешли в гостиную и уютно расположились у камина. На маленьком столике из карельской березы стояли разнокалиберные бутылки, сбились в веселую стайку бокалы, желтели в тарелочке нарезанные лимоны. Подойдя к этому изобилию, Жанка спросила:

– Что ты будешь пить?

– Ничего, пожалуй, нам ведь работать, ты не забыла? – удивилась я.

– Так я и не предлагаю нарезать, – улыбнулась Жанка, – я предлагаю выпить чего-нибудь вкусного по чуть-чуть, для создания настроения.

– Ну, если вкусного и по чуть-чуть, то налей мне ликера.

– Что ты все этот ликер лижешь? – капризно протянула Жанка. – Ты текилу пробовала?

– Нет, никогда.

– Тогда попробуй. Я научу тебя правильно ее пить, – Жанка начала звенеть стеклом. Она стояла ко мне спиной, поэтому я толком не могла видеть весь ритуал подготовки к правильной дегустации текилы.

– Черт, – в сердцах сказала новоявленная барменша, – соль эта дурында Ксюха не поставила. Придется принести.

– Так позови Ксюшу, пусть она сама и исправит ошибку, нечего так напрягаться.

– Да я ее до вечера отпустила.

– Что, неужели в город? – удивилась я.

– Нет, конечно, она не любит выходить из дома, будет у себя в комнате сидеть, сериалы смотреть, – презрительно скривилась Жанка, направляясь за солью.

Наконец все было готово. Повторяя за Жанкой все движения, я приобщилась к этому модному напитку, и...

– Фу, что за гадость, – не смогла сдержать эмоций я, – неужели это может нравиться, ведь на редкость противный вкус, и ни лимон, ни соль ни капельки его не улучшают. Бр-р, мерзость, дай минералки запить, что ли.

– Потерпи, – рассмеялась Жанка, – скоро оценишь, а минералка все испортит. Давай лучше начнем о делах разговоры разговаривать.

– Ну давай, – тяжело вздохнула я. Во рту у меня в данный момент находился местный филиал общегородского кошачьего сортира. Даже замутило слегка. Ну до чего же я несовременная, не пошла у меня эта дурацкая текила!

Пудобнее располагаясь в кресле, я незаметно нажала нужную горошину на браслете. Что ж, проверим, как работает Илюхин подарок, я ведь им ни разу еще не пользовалась. Надеюсь, запись пошла.

Тем временем Жанка, устроившись в кресле напротив, смотрела на меня со странным выражением. Я не стала и пытаться разгадать, что бы это значило, может, так она представляет себе значительность и жизненную мудрость, хотя по мне, так это больше смахивает на парализующий взгляд змеи. Ну да ладно, пусть гримасничает, пора перейти к делу, ведь диктофон включен.

– Знаешь, Жанка, – начала я, – я не буду задавать тебе вопросы, поскольку пока не представляю, о чем. Ты просто расскажи мне, что сочтешь нужным, а там, может, и вопросы появятся. Лады?

– Лады, – усмехнулась Жанка, – поехали. С чего же начать? Пожалуй, с главного, у нас не так много времени.

– Почему? – удивилась я.

– Не перебивай, – неожиданно резко ответила Жанка, – потом поймешь. Так вот. Ты, наверное, наводила обо мне справки? Вижу, что наводила, это же естественно. И, думаю, тебе рассказали страшную историю про моего мужа, мол, у него лаборатория в лесу, где проводят опыты на людях.

– Да ерунда это все, – махнула рукой я, – обычные обывательские сплетни.

– Нет, милочка, не сплетни, – улыбка Жанки все больше напоминала змеиную, казалось, вот-вот появится раздвоенный язык, – все это правда. Мой муж действительно построил целый исследовательский комплекс в лесу, и действительно там новые лекарства апробируются на людях. Разумеется, все, что разрабатывается там, предназначено вовсе не для официальной продажи, для этого есть «Карманов-Фарма», которая является только надводной частью айсберга. А настоящие деньги, огромные деньги, приносит именно эта лаборатория, работающая на заказы частных лиц. Михаил действительно гений в фармацевтике, причем, что немало важно, не обремененный избытком морали. Поэтому он может очень многое, о чем современная наука пока и не мечтает. Как правило, ему заказывают различные яды, не оставляющие абсолютно никаких следов. Но это так, мелочи, с этим Карманов справляется с полпинка, причем для каждого клиента разрабатывается оригинальный препарат, Михаил не повторился ни разу. Но гораздо интереснее для него другие заказы, когда клиент просто объясняет, какого эффекта он ждет от препарата. Предположим, чтобы через 3 месяца после приема у человека случился инфаркт, или инсульт, или отказали почки, или разбил паралич. В зависимости от цели, которую преследует заказчик. А цель чаще всего одна – наказать. Ведь смерть – это слишком просто, – Жанка наслаждалась рассказом, а я сидела, ошалев от всего услышанного. В голове гудело, во рту пересохло так, что язык казался наждаком. Я протянула руку к бутылке с минералкой, но Жанка выхватила воду у меня из-под носа. – Обойдешься. Слушай дальше. В общем, те, кто желал насладиться мучениями своего врага, обращались к Михаилу. И он выполнял любой заказ. Неудач у него практически не было, кроме одного раза, да и то была не совсем неудача. Один из сильных мира сего, который привык ни в чем себе не отказывать, возжелал жену своего партнера по бизнесу. Поскольку мужик он интересный, до сих пор осечек у него не было, как правило, любая понравившаяся ему женщина рано или поздно оказывалась у него в постели. Потом они мило расставались, и парнишка скакал дальше. А тут вдруг такой облом – никак строптивая дамочка не желала уступить, она, видите ли, любит мужа. Силой

здесь действовать было нельзя, отдача бы замучала. И мужик закусил удила – подай ему эту женщину, и все! Да еще и чтобы она сама пришла и любила его без памяти, забыв о муже. В общем, с таким набором требований он пришел к Карманову. Задача на первый взгляд была невыполнимая, но чем сложнее проблема, тем она Михаилу интереснее. Бился он над решением месяца четыре и все-таки справился! Он разработал препарат, который полностью уничтожает личность человека. Нет, он не делает людей идиотами, пускающими слюни, он просто стирает все воспоминания, и человек становится похож на чистый лист бумаги. В исследовательском центре мужа работают талантливые специалисты многих отраслей медицины, в том числе есть и один, специализирующийся на проблемах мозга. Он и разработал методику нанесения нового рисунка на этот чистый лист. Человеку, находящемуся после приема препарата в коме, записывали на подкорку совершенно другие воспоминания, другую личность. – В общем, нетерпеливый клиент не стал ждать еще хотя бы месяца два-три, чтобы Михаил мог убедиться в прочности закрепления новой личности. Он потребовал провести процедуру немедленно. Поскольку Карманов всегда придерживается лозунга «Клиент всегда прав», он согласился, предупредив, что не гарантирует постоянство нового образа. Не буду вдаваться в подробности, как они все это проделали, но важен результат. Женщина однажды проснулась со стойким отворачиванием к мужу и желанием видеть нашего заказчика. Увидеть-то она его увидела и была абсолютно убеждена, что должна его любить. А вот полюбить на самом деле не смогла. И вскоре сошла с ума. Но Михаил не забросил работу над этим препаратом, он даже усовершенствовал его, ведь не поддаются этой методике только чувства, а в целом открывались такие горизонты! – Жанка мечтательно проследила за колечком табачного дыма. – Мой муж ничего не скрывает от меня, считает, что я недалекая и полностью преданная ему женщина. Но знал бы он, до чего он мне противен! – Жанку передернуло от отвращения. – Но без Михаила я никто, вот и терплю этого урода. А то, что он считает меня глупой курицей, мне только на руку. Он не следит за моими делами, считая, что я полностью поглощена своим магазином. Ха! Да я, – тут Жанка запнулась и присмотрелась ко мне внимательнее. А мне было совсем плохо, все расплывалось перед глазами, Жанкин голос доносился как сквозь вату. – Так, голубушка, времени осталось совсем мало, так я могу и не успеть получить удовольствие. Пора закругляться. Так вот, когда я училась в институте, я дружила с одной девушкой, звали ее Алина. Классная девчонка, добрая и отзывчивая, не выпендривалась особо, хотя была из очень влиятельной семьи. Она была мне почти сестрой. Когда мы учились на пятом курсе, я познакомилась с Артуром. Парень был музыкантом, виолончелистом, приехал в город, где я училась, на гастроли. Он очень напомнил мне Майорова, и я увлеклась Артуром всерьез. Он тоже вроде бы проникся ко мне, пока я не познакомила его с Алиной. Не-на-ви-жу, – четко произнесла Жанка, – уроды, сволочи! Они еще и приходили ко мне прощения просить, Алина, видите ли, настояла. И на свадьбу позвали. Я сидела на их свадьбе и мечтала только об одном – придет день, и я с ними рассчитаюсь. После окончания института я вернулась сюда, в наш город, а эти твари укатили в Москву, через три года у них родилась дочь. Они присылали мне открытки, я отвечала тем же, сжав зубы и дожидаясь, когда же настанет мой час. И спустя 10 лет он настал! Когда Михаил создал свой препарат. Я плачу деньги его коллеге, разработчику методики, и он помогает мне во всем, не посвящая в мои дела Карманова. Короче, год назад Алина и Артур поехали в Сочи, дочь заболела и осталась с бабушкой и дедушкой. Они прислали мне открытку, пригласили присоединиться. Я с удовольствием согласилась. И вскоре, – Жанка рассмеялась совершенно безумным смехом, – у меня появилось двое новых слуг – садовник Павел и горничная Ксюша, бывшие Артур и Алина. Они абсолютно ничего не помнят, у них другие биографии. Павел – бывший уголовник, которого я вытащила из грязи, а Ксюша – бывшая проститутка. Так они себя видят. И я для них благодетельница, ведь я предоставила им работу и жилье. В город они и сунуться боятся. Думают, что их узнают братки и сутенеры, смех, да и только! Конечно, их искали, но безрезультатно. Отпрыск их растет у родителей Артура, с голоду не пухнет. А Марина раньше

работала шеф-поваром в Питере и посмела отказаться от моего предложения работать у меня, дрянь! Я ей предлагала огромные деньги, готова была купить квартиру у нас в городе, а она уперлась – нет, и все. У нее, видите ли, муж преподает в университете, а дети ходят в лицей, им нечего делать в провинции ни за какие деньги. Ну и что в итоге? Она теперь Марина, хотя была Ниной, и живет у меня на правах бесплатной прислуги, за жилье и еду, как и те двое. А детки с мужем остались в Питере, думая, что мамуля и жена удрала с любовником. А потом появилась ты со своим выпендрежом, мерзавка! – Жанку трясло от бешенства. – Я и в школе тебя терпеть не могла, отличница ты наша, но там ты мне особо не досаждала, зато теперь! С Майоровым она работает, гадина! С Майоровым, которого я жду всю жизнь, за которым я моталась как проклятая столько лет, и ни разу не смогла даже поговорить с ним! А эта уродина, эта шестерка, не приложила никаких усилий, все получила на блюдечке. Не отдам, – неожиданно ледяным тоном отчеканила Жанка. – Ты подготовила почву для меня, и теперь ты не нужна. Если бы ты знала, как меня корежило, когда приходилось улыбаться и присюсюкивать с тобой! Но ведь надо было заманить тебя сюда, да еще чтобы никто не знал, куда ты отправилась. Надо было, чтобы ты притащила свой мобильный и ноутбук с координатами Алексея. Надо было дожидаться, чтобы Майоров позвонил тебе, и узнать, как вы с ним общаетесь. И я все выдержала, сыграла – комар носа не подточит! Но теперь все, теперь вместо тебя на сцену выхожу я, и в Москву под видом тебя тоже поеду я, ведь тебя Майоров не видел, только слышал. Единственный человек, который мог меня разоблачить, мертв, я позаботилась об этом. Да, да, твоему Рискину помогли отправиться на тот свет по моему поручению, повредили тормоза и устроили аварию, все прошло гладко, никто ничего не заподозрил. Можно было и тебя убрать также, но это неинтересно, поэтому я решила дать тебе препарат. Да, Аннушка, да, – шипела Жанка, – это текила. Уж очень мерзкий вкус у моего средства, всем предыдущим его вводили внутривенно, но с тобой я не могла ждать еще целый день, пока приедет мой помощник. Сразу после звонка Майорова я решила закончить эту затянувшуюся комедию и поэтому придумала этот трюк с текилой. Благодаря лимону и соли, да еще твоей дури, мне удалось влить в тебя эту гадость. И скоро вместо тебя появится совершенно другая женщина, кто, я еще не знаю, мой помощник работает над этим, но не переживай, по моей просьбе биография у тебя будет – гаже не придумаешь, да и работа под стать. А я буду с Майоровым, и, думаю, мне не понадобится долго быть тобой, поскольку и с Алексеем поработает мой препарат. Он забудет, что ты была в его жизни, стихи твои будут моими, а уж полюбит он меня без всякого препарата, не сомневайся, все мужики одинаковы, – она говорила и говорила, но звон в ушах становился все громче, сознание меркло. Я в отчаянии цеплялась за звуки, за свет, за жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.